

МИФЫ
БЕЗ ГРИФА

АЛЕКСАНДР ШУБИН

10 МИФОВ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ

Александр Шубин

10 мифов Советской страны

«Яуза»

Шубин А. В.

10 мифов Советской страны / А. В. Шубин — «Яуза»,

Эта страна проклята и ославлена. Эта эпоха объявлена самой страшной в истории России. Ее достижения приказано вычеркнуть из памяти. Ее герои густо замазаны грязью. Заслуженно ли? Стоило ли менять парадные советские мифы на грязные антисоветские? Не поменяли ли мы, как говорится, шило на мыло? И что в этих легендах было правдой, а что – безусловная ложь? Был ли Ленин германским агентом? Кто развязал Гражданскую войну в России? Кто повинен в страшном голоде 30-х годов? Каковы подлинные масштабы сталинских репрессий? Кто начал Вторую Мировую войну? Была ли у Сталина реальная альтернатива? Самые скандальные тайны, самые спорные легенды, самые распространенные мифы великой советской эпохи в новой книге известного историка и публициста.

© Шубин А. В.

© Яуза

Содержание

Очерк первый	6
Очерк второй. Был ли Ленин немецким шпионом?	14
Вагон	15
Должок	16
Финансовая схема и моральные принципы	18
Что дали деньги?	21
Июльский «мятеж»	22
Миллионы для диктатуры пролетариата	30
Очерк третий. Мифы о гражданской войне: «белые рыцари», «маньяки террора», «анархо-бандиты»	33
«Поход 14 держав» и ландскнехты мировой революции	34
Коммунистические фанатики или защитники интересов рабочих и крестьян?	40
Пирсы коммунистов	46
«Чистые руки, горячее сердце, холодная голова»	48
Чернознаменные бандиты	52
«Оборотень Гражданской войны»	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Шубин

10 мифов Советской страны

Война за людское сознание в наше время играет более важную роль, чем война за города и территории. И если мы хотим быть свободными и независимыми, руководствоваться своими интересами, а не внешними сигналами, управляющими нашим сознанием, то первый шаг к свободе – поиск истины, в том числе реальной картины событий недавнего прошлого, их механизма и смысла.

История – это сфера, в которой закладываются наиболее глубокие стереотипы мышления, сопоставимые разве что с языковыми. Естественно, что манипулирование информацией не может обойтись без строительства исторических мифов. Миф – способ упрощенного мышления. Он опирается на одну часть реальности, игнорируя другую. Вырванные из реальности факты увязаны так, чтобы получилась простая схема, пригодная для управления сознанием человека в его сегодняшней жизни. Ему предлагаются образы героев для подражания и уважения, а злодеев – для негодования. Герои и злодеи должны быть похожи на сегодняшних персонажей, их действия должны быть сопоставимы с нынешней ситуацией. Собственная логика исторической ситуации только мешает мифотворцам. Но они вынуждены как-то считаться с ней. Ведь человек только тогда подчиняется мифу, если считает его правдой. Помочь вам может только реальный исторический опыт, а миф помогает манипулировать сознанием.

Очерк первый «Тоталитарный коммунистический режим» – что осудила ПАСЕ?

Историки озабочены поисками истины, складывают детали единой объемной картины прошлого, ведут сложные споры, опираясь на источники и четкие логические правила. Но публицистов и политиков эта работа мало интересует. Их не интересует истина. Их оружие – мифы. Они уже сделали нужные им обобщения, пригодные для политической игры. В истории советского общества нет полутонов. Только одноцветный миф, пригодный для промывания мозгов.

* * *

25 января 2006 г. Парламентская ассамблея Совета Европы (ПАСЕ) осудила коммунизм. Формально речь идет о «тоталитарном коммунизме», но из резолюции следует, что всякий коммунистический режим является тоталитарным. Таким образом, своего пика достигла маккартистская кампания, развернувшаяся уже в XXI веке. С чего бы это? Вроде бы время разоблачений и осуждений пришлось на 90-е гг., и в XXI веке можно обратиться к историческим событиям без прокурорской риторики.

Мне довелось наблюдать в непосредственной близости формирование официального евростандарта исторической мифологии. Так что начну эту серию очерков с личных впечатлений.

Парламентская ассамблея Совета Европы привыкла изобличать Россию в нарушениях прав человека. Робкие попытки российской дипломатии тоже критиковать государства Запада за нарушения прав человека (например, в Прибалтике или Косово) вызывают благородный гнев в ПАСЕ. Ну кто такие эти российские варвары, чтобы учить просвещенную Европу демократическим стандартам?

Чтобы раз и навсегда отучить нас от намерения напоминать Западу о «двойных стандартах», было решено высечь Россию капитально-по всей строгости Суда Истории. Привлечь к ответственности за коммунизм – как Германию в свое время привлекли за нацизм в Нюрнберге. Идея «нового Нюрнберга» не нова, но характерно, что она возродилась в XXI веке, когда коммунистические режимы в Европе давно стали достоянием истории.

В 1996 г., когда Россия стала проявлять робкое недовольство поведением государств НАТО на Балканах, ПАСЕ заслушала доклад, разоблачающий коммунистические тоталитарные системы и приняла резолюцию № 1096, которая признала тему достойной глубокого изучения и подготовки полновесного решения ПАСЕ.

Машина была запущена и через восемь лет «доехала» до финишной прямой. Тут как раз решили заслушать «главного обвиняемого». Ведь «тоталитарный коммунизм» явился из Москвы...

В декабре 2004 г. ПАСЕ назначила официальные слушания по теме осуждения «тоталитаризма». Отчего же не осудить, хотя все это напоминает размахивание кулаками после драки. На слушания направилась российская парламентская делегация, в которую в качестве эксперта включили и меня как специалиста по истории XX века.

Накануне слушаний нас «обрадовали» закулисным ходом – поменяли тему. Собирались осуждать тоталитаризм (кто бы спорил), а теперь – коммунизм. Почувствуйте разницу. Коммунизм – социальная теория, которая использовалась некоторыми тоталитарными режимами. Но

ведь ее разделяли и разделяют далеко не только организаторы массовых репрессий. В нашей делегации не было сторонников коммунизма, но, как говорится, истина дороже. Да и подмена темы, напоминая ход шулера, вызывала опасения – нет ли здесь политического подвоха? И подвох был.

14 декабря 2004 г. по вопросу осуждения коммунизма состоялись слушания ПАСЕ. Их вела португальский депутат Агьер, явно тяготившаяся своей маккартистской миссией. Но работа есть работа. Зато эксперты «с той стороны» готовы были сражаться не за страх, а за совесть. «Тяжелая артиллерия» – редактор журнала «Коммунизм» и соавтор нашедшей «Черной книги коммунизма» С. Куртуа и польский профессор Д. Стола. «Гвоздь программы» – бывший диссидент В. Буковский. Собственно – ему отдельное спасибо. То, что было у западноевропейских депутатов на уме, у него было на языке. Из выступления Буковского мы узнали, что цель «осуждения коммунизма» заключается в привлечении «виновной стороны» к ответственности за все безобразия современного мира. Ибо в них виноват коммунизм, а Россия – правопреемник Советского Союза. А Советский Союз – от начала и до самого конца – тоталитарное коммунистическое государство. Так что все вы, русские (кроме героических диссидентов), вышли из тоталитарной шинели, и вам всю жизнь предстоит учиться демократии у Запада, а не поучать его по поводу соблюдения прав человека.

Куртуа и Буковский атаковали без устали: коммунизм – столь же преступная идеология, как и фашизм, потому должна быть осуждена таким же образом. Хотя 90 % аргументов «прокуроров» относились к сталинскому периоду, требовалось осудить весь коммунизм от Маркса до Горбачева включительно. В зале витал дух американского сенатора Маккарти, устроившего в 50-е гг. «охоту на ведьм» в США, направленную против «левых». Маккарти обличал Сталина и искусственно увязывал с его преступлениями всех, кому не нравится капитализм. Так же на слушаниях ПАСЕ действовали и эксперты «обвинения».

С. Куртуа обещал сорвать «покров умолчания» с преступлений коммунизма. Я приготовился выслушать какую-то сенсационную новость, сокрытую до сих пор «покровом умолчания». Но ничего нового нам не сообщили. С. Куртуа начал с того, что большевики арестовали 20 рабочих. Нехорошо конечно, но по этому принципу можно осудить большинство европейских режимов, так как за свою историю они наверняка арестовывали и больше протестующих. В одной кучу докладчики свалили и загадочные дореволюционные планы Ленина прибегнуть к этническим чисткам (на просьбу сообщить, где докладчик это вычитал, Куртуа промолчал), и высылки, и собственно массовые убийства сталинского периода, и «подрывную» деятельность Луиса Корвалана против диктатуры Пиночета в Чили (об этом заговорил Буковский, до сих пор благодарный Пиночету за свое вызволение из заключения в обмен на лидера чилийских коммунистов). Буковский обогатил нашу беседу образом «моральной шизофрении», при которой до сих пор гонятся за нацистскими преступниками, совершавшими преступления 60 лет назад, и не трогают коммунистов. Правда, он тут же заговорил о преступлениях 70-летней давности, так что пришлось спасать от «моральной шизофрении» самого Буковского.

Чтобы разобраться во всей этой куче разнопорядковых исторических явлений, я предложил депутатам честно ответить себе на два простых вопроса. Во-первых, являются ли перечисленные злодеяния исключительным следствием именно коммунистической идеологии или подобное поведение присуще также другим режимам и вызвано не коммунистической идеологией как таковой, а более глубокими социальными причинами? Во-вторых, являются ли массовый террор и тотальные репрессии постоянным спутником коммунистического режима? Если нет, то осуждению подлежит не коммунистическая идеология, а конкретные явления в советской (и не только советской) истории, которые вызвали массовые убийства и репрессии.

Практически все, о чем говорили «обличители», мы легко можем найти в европейской истории вне всякой связи с коммунизмом. Слово «террор» приобрело европейскую известность со времен Французской революции, но Робеспьер не был коммунистом. В современных

терминах он был социально ориентированным либералом. Из французского источника пошла добрая половина понятий большевиков, от комиссаров до термина «враг народа» (его якобинцы заимствовали в таком источнике европейской правовой культуры, как Древний Рим). Так что коммунизм и в своих злодеяниях, и в своих достижениях тесно связан с европейской культурой.

А откуда пошли концлагеря? Их «изобрела» британская колониальная администрация во время войн в Африке на грани XIX и XX веков. Эта же администрация несет ответственность за массовое вымирание крестьян в Индии из-за голода. Рассказы о высылках напоминают нам о ссылке противников республиканской Франции в Новую Каледонию уже в XIX веке. От голода и болезней ссыльные умирали тысячами. На фоне этих преступлений Маркс выглядел правозащитником.

Его последователь Ленин развязал красный террор, но это кровавое деяние разворачивалось одновременно с белым террором и тоже не является исключительным следствием именно коммунистической идеологии. Деникин и Колчак были представителями либеральной и консервативной идеологий, но их армия осуществляла массовый террор и творила зверства, которые перекрывала разве что армия японских интервентов – тоже далекая от борьбы за коммунистические идеалы.

Озверение Гражданской войны в России вполне сопоставимо с озверением в Испании, где франкисты лютовали ничуть не меньше коммунистов.

Пакт Молотова-Риббентропа, о котором говорил Куртуа, тут же освежает в памяти Мюнхенский пакт о разделе Чехословакии, который «либералы» Чемберлен и Даладье заключили с фашистами Гитлером и Муссолини. Осуждать один пакт и не осуждать другой – это ли не моральная шизофрения?

Масштабы уничтожения людей Сталиным колоссальны. Но попытка Буковского приписать ему рекорд по скорости уничтожения людей была нами легко опровергнута. Эта сомнительная честь принадлежит не Сталину и даже не Гитлеру, а американскому президенту Гарри Трумэну, который за два дня (точнее – за две секунды) в 1945 г. уничтожил более 200 тысяч японцев в Хиросиме и Нагасаки – в подавляющем большинстве мирных жителей.

Сообщения о пытках в застенках НКВД ужасны. Но как не вспомнить при этом свежие цветные фото пыток, осуществленных «либерально-демократическими» оккупантами в Ираке?

Куда ни кинь – везде клин. Преступления Сталина и его сотрудников, как известно, были осуждены еще XX съездом партии. Это осуждение было непоследовательным, но в период Перестройки, до распада СССР и даже до потери коммунистами монополии на власть к этому вопросу, вернулись и провели гораздо более глубокое как правовое, так и историческое осуждение. Чего же еще?

Как чего! – восклицают «прокуроры». Вы не в состоянии сами осудить сталинизм как следует и не желаете последовательно осудить весь коммунизм (подтекст: а значит – провести люстрацию, уволить из органов власти всех бывших коммунистов). Вообще при разоблачении сталинизма было мало репрессий против организаторов террора.

И кого сегодня еще нужно арестовать? Ягоду, Ежова, Берию и Абакумова? Нет, их уже расстреляли. Теперь надо помучить старичков, которые когда-то служили в НКВД – КГБ?

Прежде чем устраивать новую «охоту на старичков», нужно наказать организаторов бомбардировок Югославии и войны в Ираке. Они несут общественную угрозу, а старички – нет. Западные либералы становятся тем кровожаднее, чем меньше ранг стрелочника, которого надо наказать. Американского сержанта или советского вертухая – ату его! А вот генерала или Салану – не дай бог (о советских организаторах террора не говорю – или расстреляны, или померли). Это лакмусовая бумажка отношения к преступлениям против человечности. Под предлогом охоты на стрелочников начинается охота на ведьм, под видом осуждения комму-

нистических режимов, которые огульно объявлены тоталитарными, – охота на коммунистические идеи и теорию классовой борьбы. Если осуждать преступления против человечности, то безотносительно тому, кто их совершал – коммунисты, либералы или националисты. Коммунизм в этом отношении принципиально не хуже и не лучше других.

* * *

«Прокурорам» особенно важно доказать, что коммунистический режим был и после Сталина также чудовищем, как нацизм. Вот Горбачев, по Буковскому, – это военный преступник. Ведь при нем продолжалась война в Афганистане. Горбачева – в Нюрнберг. Но не американских генералов, действовавших в Ираке, не западных политиков, организовавших бомбардировки Вьетнама, Югославии и того же Ирака. Опять двойные стандарты или, говоря словами Буковского, «моральная шизофрения».

Ее приступы то и дело заставляли Буковского возвращаться к любимому Пиночету. Его, беднягу, собирались в Чили судить. При нем по политическим мотивам уничтожили около 30 тысяч граждан. Даже если не все случаи удастся доказать, речь все равно идет о массовых убийствах. Буковский встает на защиту диктатора: ведь десять лет спустя после пиночетовского переворота Корвалан пробрался в Чили с целью проведения террористических операций. Вот он, источник мирового терроризма!

Пришлось спросить Буковского: кого взорвал Корвалан? Молчит Буковский. А вот жертв международного терроризма, осуществлявшегося Пиночетом, назвать несложно: в 1974 г. в Аргентине чилийские спецслужбы взорвали К. Пратса, а в 1976 г. на территории США – О. Летельера. Да и вообще, как-то неудобно говорить о коммунизме как корне международного терроризма, когда выяснилось, что Бен Ладен вскармливался американскими спецслужбами во время войны в Афганистане.

Пытаясь как-то спасти Буковского от полного разгрома, Д. Стола взял на вооружение его теорию «моральной шизофрении», и с тем же самоубийственным эффектом. Вот вы все о Пиночете да о Сталине. А как же Ярузельский, подавивший движение «Солидарность» в 1981 г.? Говоря об ослаблении диктаторского характера коммунизма после Сталина, не вводите ли вы двойные стандарты – ведь демократии в коммунистическом блоке не было! Вопрос Стола: сколько лидеров «Солидарности» было казнено? Нисколько.

Коммунистические режимы со временем качественно изменились, как и антикоммунистические. Все дело в том, что «прокуроры коммунизма» не понимают различия между тоталитарными и авторитарными режимами. А ведь это – азы политической терминологии. Тоталитарный режим стремится к полному (то есть тотальному – отсюда и термин) контролю над жизнью общества и уничтожает с помощью террора неподконтрольные элементы. Авторитарный режим не допускает демократии, проводит выборочные репрессии против своих открытых противников, но не претендует на полный контроль над обществом и не осуществляет массового террора против всех недовольных и неподконтрольных. Вполне очевидно, что после середины 50-х гг. советский режим приобрел авторитарный характер. Но ведь авторитарные режимы существовали по всей Европе. Более того, авторитарными были почти все европейские режимы вплоть до конца XIX века.

Если браться за осуждение авторитаризма, то можно начать с запада Европы – с португальского антикоммунистического режима Салазара, и до СССР мы дойдем не скоро. При упоминании Салазара ведущая заседание Агиера напряглась – она тоже жила при авторитаризме. Нет, так расширительно смотреть на этот вопрос она не готова – слишком много «скелетов в шкафу» Запада. Но почему же «расширительное толкование» допускается в отношении коммунизма? Ведь массовое уничтожение людей в СССР было только на протяжении конкретных

периодов его истории (как и на протяжении отдельных периодов истории Западной Европы), а в 60-70-е гг. ситуация в СССР была другой. Ни массового террора, ни тотального единомыслия.

Само существование диссидентского движения доказывает, что режим не был тоталитарным. Иначе мы бы с В. Буковским даже не разговаривали, а поставили ему посмертный памятник В СССР в 60-80-е гг. существовали массовые движения от экологического до песенного, которые не управлялись компартией, там шли дискуссии «либералов» и «почвенников», распространялись анекдоты про Брежнева и других генсеков. И не будем забывать, что в 1990 г. КПСС потеряла монополию на власть, и Советский Союз стал плюралистичным обществом с многопартийной системой. Так что Россия, ставшая преемником СССР, является преемником тоталитарного режима в меньшей степени, чем современная Испания – наследница франкистской Испании.

Таким образом, попытка осудить коммунизм на основании событий Гражданской войны и сталинизма выглядит не более убедительно, чем стремление объявить преступной католическую веру на основе преступлений инквизиции. Вот это наше замечание вызвало возмущение одного из «депутатов-прокуроров»: «Как можно сравнивать коммунизм и инквизицию, когда преступления коммунизма совершались в прошлом веке!» Забавно, но всего несколько лет назад то же самое можно было сказать и об инквизиции – последнее аутодафе было совершено в Испании в XIX столетии. Возмущение этих депутатов характерно – они все еще живут проблемами середины XX века и никак не могут научиться жить в веке XXI с его новыми вызовами и угрозами. В том числе и тоталитарными. Ведь манипулирование массовым сознанием, инструментом которого является упрощенный взгляд на историю с делением на черное и белое, – это тоже признак авторитаризма, а в перспективе – и тоталитаризма.

Изложенные нами аргументы, очевидно, переломили ход дискуссии, и ряд депутатов и в своих выступлениях, и затем в частных разговорах поддержали взвешенную позицию – с коммунистами нужно и полезно спорить, преступления коммунистической эпохи никто не собирается замалчивать, равно как и достижений этой эпохи. Но все это – дело историков, а не судей. Поняв, куда дело клонится, польский эксперт «обвинения» Д. Стола с возмущением заговорил о намерении российских коллег «отправить мяч в Академию». Что же, правильно боится – в XXI веке теме преступлений коммунизма самое место на конференциях историков. В новом столетии мы сталкиваемся с преступлениями других сил.

После слушаний разговор продолжился в кулуарах. Здесь Агиера была более уступчива, да и что она могла противопоставить аргументам профессионального историка? Да, конечно, она не хочет использования своего доклада в интересах новых маккартистов. Конечно, после слушаний она сформулирует его осторожней, чем собиралась, со множеством оговорок...

Однако депутат Агиера не была избрана на следующий срок, знамя подхватил шведский депутат Горан Линдبلاد. Он даже немного подредактировал тезисы, рассматривавшиеся в декабре, – включив туда необходимость осуждения также и режима Франко. Но потом – после коммунистов. Вернулась формула «тоталитарные коммунистические режимы». Вроде бы хорошо – речь идет не о любых коммунистических режимах, а только о тоталитарных. Но нет. Из доклада Линдблада следует, что он так и не понял разницы.

В остальном меморандум Линдблада был столь же абсурден, как и декабрьские тезисы. Как только речь заходит о периоде после 1956 года, становится ясно, что авторы меморандума абсолютно безграмотны (применительно к другим периодам советской истории – малограмотны). Так, в качестве примеров геноцида и применения труда рабов приводятся ввод войск в Чехословакию в 1968 г. и подавление волнений в Польше в 1968 г. и в 1980-1981 гг. Интересно, а знает ли депутат Линдبلاد, что такое геноцид?

В проекте Линдблада, который позднее был принят ПАСЕ, говорилось много интересного.

«Тоталитарные коммунистические режимы, которые правили в Центральной и Восточной Европе в прошлом веке и которые все еще находятся у власти в некоторых странах, все без исключения характеризуются массовыми нарушениями прав человека». В принципе режимы самых разных расцветок характеризуются многочисленными нарушениями прав человека. «Буржуазные» режимы – не исключение. Так что коммунистические режимы следует обвинить в чем-то более конкретном: «Они включают отдельные и коллективные убийства, казни, гибель в концентрационных лагерях, голод, депортации, пытки, рабский труд и другие формы массового физического террора». И снова возникает вопрос: это у коммунистов всегда так или на протяжении отдельных периодов? Какие депортации и массовый физический террор происходил в СССР при Брежнев? Если речь идет не обо всей истории советского общества, а лишь о тоталитарном сталинском периоде, то теряется главная мысль маккартистов – во всем виноват коммунизм. Ведь и в истории США встречались и депортации, и рабство, и геноцид, и казни по политическим мотивам...

Но Линдبلاد настаивает, что коммунистические режимы «характеризуются» преступлениями, о которых идет речь. То есть это – их характеристика. Почему же организаторы слушаний не считают, что, например, «США характеризуются массовым применением рабского труда, депортациями, геноцидом местного индейского населения и применением атомного оружия против мирного населения», хотя все это имело место в истории североамериканского режима. Такую же формулу можно сочинить о половине европейских стран, используя методику «расширительных характеристик», изобретенную евромаккартистами.

Но может быть, доклад обличает не коммунистическую идеологию, а только практику? Нет уж. Линдبلاد и европейская маккартистская партия, стоящая за ним, категоричны: «Оправдательным поводом для совершения преступлений являлась теория классовой борьбы и принцип диктатуры пролетариата».

Истинная цель кампании, таким образом, – сама идеология коммунизма. Да что коммунизма – и социологическая теория классовой борьбы становится преступной, ибо «оправдывала» преступления.

Конечно, есть и другие теории, которые оправдывают преступления. Например, идея священной частной собственности оправдывала рабство в США, а идея американской нации – геноцид индейцев. Но ведь индейцы или японцы – чужаки. А вот «в странах с коммунистическим режимом было уничтожено громадное число людей собственной национальности». Другие народы уничтожать – это не так страшно. Японцев там в Хиросиме, арабов в Алжире, сербов в Югославии в 1999 г. Да мало ли примеров? А коммунисты – своих...

Любопытно, что логика маккартистов здесь подозрительно сближается с нацистской. Словно чувствуя это, авторы доклада стремятся провести прямую параллель между нацизмом и коммунизмом, дабы и осуждение прошло по образцу Нюрнберга: «Кроме того, авторы этих преступлений не были приведены к ответственности международным сообществом, как это было в случае с ужасающими преступлениями, совершенными во имя национал-социализма (нацизма)».

* * *

Вот такая политическая мина. Надо отдать должное европейской общественности – маккартисты оказались под огнем критики. В конечном итоге нам удалось покачать чашу весов. Приняв резолюцию, депутаты отклонили рекомендации маккартистов. У резолюции были вырваны зубы. А там были интересные предложения: «развернуть кампанию, направленную на национальное осознание преступлений, совершенных во имя коммунистической идеологии, включая пересмотр школьных учебников...» Еще не хватает – и учебники придется переписывать. Конспект будущих евроучебников приведен в «Объяснительной записке» Линдبلاد.

Он настаивает, что сама коммунистическая идеология «явилась первопричиной широко распространившегося террора, массовых нарушений прав человека, гибели многих миллионов людей и бедственного положения целых наций». Честно говоря, я – не сторонник коммунистической идеологии. И готов обсуждать ее отрицательные стороны. Но как историк я не могу не видеть, что ужасы, о которых говорят маккартисты, – это результат не только идеологии, и они вполне могут проявиться в условиях совсем других идеологий. Создается впечатление, что нас стремятся, с одной стороны, отвлечь от корня проблем, а с другой – под видом борьбы с левым тоталитаризмом навязать новый правый манипулятивный тоталитаризм с либеральной упаковкой. Ведь коммунистическая идеология трактуется маккартистами крайне расширительно, и в готовящейся ими охоте на ведьм неизбежно пострадают сторонники любых левых идей – не только марксистско-ленинских: «различные элементы коммунистической идеологии, такие, как равенство и социальная справедливость, все еще пленяют многих политиков»... Вот как! Равенство и социальная справедливость должны быть искоренены. А обличение тоталитаризма – лишь повод для этого.

Дальше Линдبلاد пытается подсчитать число жертв коммунизма по принципу аукциона: «Кто больше?!» В СССР у него вышло 20 миллионов жертв, из них, «6 миллионов украинцев погибло от голода в ходе хорошо продуманной государственной политики в 1932-1933 годах». Вот как Сталин со товарищи сидели, думали, как уморить 6 миллионов украинцев. Даже странно, почему Линдبلاد не назвал цифру 10 миллионов. А то, глядишь, иной украинский националист подвергнет докладчика ПАСЕ критике за сокрытие истинного числа жертв голодомора.

Опасаясь критики еще более оголтелых маккартистов, Линдبلاد утверждает: «Цифры, приведенные выше, документированы. Они являются приблизительными подсчетами, существует обоснованная причина для подозрения, что должны быть намного выше». Хотелось бы попросить у Линдблода опубликовать материалы, «документирующие» гибель 6 миллионов украинцев.

Но ему не до того. Он занят осознанием коммунистического дьявольского замысла: «Становится понятно, что преступная сторона коммунистических режимов не является результатом обстоятельств, но скорее всего следствием хорошо продуманной политики, тщательно разработанной основателями таких режимов, даже до того, как они взяли власть в свои руки».

Это Ленин придумал голод 1932-1933 гг. или Маркс? Не суть. Раз сторонники социальной справедливости заранее планируют все свои зверства, чтобы потом маньячески проводить их в жизнь, невзирая на обстоятельства, то давить левых надо в зародыше. Таковы естественные выводы из доклада Линдблода. Ведь «во имя идеологии коммунистические режимы убили десятки миллионов богатых крестьян, кулаков, дворян, буржуазию, казаков, украинцев и другие группы». Совершенно непонятно, что коммунистическая идеология имела против украинцев. Впрочем, если бы Линдبلاد почитал марксистско-ленинскую литературу, он, к удивлению своему, обнаружил бы, что идеологи коммунизма не предусматривали физического уничтожения представителей указанных социальных групп. Речь шла о ликвидации социальных отношений. Так что фраза «Эти преступления являются прямым результатом теории классовой борьбы, необходимости уничтожения людей, которые считались бесполезными для строительства нового общества» – не более чем выдумка маккартистов. И ведь эту чушь они хотят включить в учебники.

* * *

Как и следовало ожидать, основные претензии к коммунистическому режиму у Линдблода относятся к периоду до 1953 г. Но нужно как-то доказать, что Россия и левые общественные движения – преемники тоталитаризма. Так что его историю нужно продлить до 1991 г.

Отсюда – загадочная формулировка: «С середины 1950-х годов террор в европейских коммунистических странах значительно убавился, но выборочное преследование различных групп и отдельных личностей продолжалось. Оно включало в себя полицейскую слежку, аресты, заключение в тюрьмы, наказания штрафами, насильственное психиатрическое лечение, различные ограничения свободы передвижения, дискриминацию на работе, что часто вело к бедности и потере профессионализма, публичные унижения и клевета». Ба, так это до сих пор продолжается. И по всему свету. Особенно наказание штрафами и клевета... Вот он, коммунизм, как распространился. Где тюрьма и насильственная госпитализация в психиатрическую лечебницу – там, по Линдбладу, явные признаки коммунистического тоталитаризма.

При всей абсурдности рассуждений Линдблада в итоге он опроверг сам себя. Указание на то, что в разные периоды нарушения прав человека были разными, обесмысливает идею. Можно сказать, что в истории всех обществ, в том числе капиталистических, были разные нарушения прав человека. Поэтому надо осудить все общества.

Нагородив такие горы, маккартисты претендуют на то, чтобы учить других истории: «Следовательно, общественность мало осведомлена о преступлениях, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами». Если кто-то мало осведомлен об этом, то разве что Линдблад и его консультанты. Но их интересует не историческая реальность, а политические выводы и санкции: «Коммунистические партии активны и существуют на законных основаниях в некоторых странах, даже если они и не отделили себя от преступлений, совершенных тоталитарными коммунистическими режимами в прошлом».

В большом долгу перед миром не только партии, но и страны: «Дебаты и осуждения, которые прошли пока на национальном уровне в некоторых государствах – членах Совета Европы, не могут освободить международную общественность от обязательства занять четкую позицию по отношению к преступлениям, совершенным тоталитарными коммунистическими режимами». Признайте, что ваше государство было преступным. А уж юридические следствия из этого мы сделаем за вас.

Возвращаются времена политического заказа на «правильные идеи». Рамки плюрализма в новой Римской империи сужаются. Не является ли попытка осудить одну из социальных идеологий на уровне ПАСЕ пробным камнем для превращения «европейских стандартов» политкорректности в идеологическое прокрустово ложе?

Советская история не вмещается в догмы «евростандарта». Советское общество так и не стало полностью тоталитарным, потому что режим никогда не управлял всеми сторонами жизни советских людей. При официальной марксистско-ленинской идеологии, например, сохранялось православное сознание, продолжала действовать Церковь (и не одна). Продолжали работать писатели, взгляды которых совсем не укладывались в официальные (классические примеры – Булгаков, Ахматова, Зощенко и др.). И это – в самые «суровые» годы, когда можно говорить о тоталитарном характере режима. А в 60-80-е гг. советское общество полно многообразия идей, общественных движений, культурных течений. История советского общества – это и модернизация, проведенная жестокими тоталитарными средствами, и авторитарный каркас режима, и идеи социальной справедливости, которые вызывают такой ужас в ПАСЕ, и величайшие взлеты науки и культуры, опередившие время, и разгром нацизма, и противостояние империализму западных государств, и надежда на то, что мир неравноправия, господства, массовой нищеты – это не навсегда. Современные маккартисты надеются вбить в эту историю «осиновый кол». Напрасная надежда. Советская культура, советское мировоззрение, левая альтернатива капиталистическому глобализму не просто не похоронены – они и вовсе не умирали.

Очерк второй. Был ли Ленин немецким шпионом?

Включаю один из центральных телеканалов. Доверчивым зрителям добавляют очередные штрихи к тому образу Ленина, который в современной России стал общеупотребительным среди медийных лоботрясов. Ленин – беспринципный, истеричный властолюбец, напоминающий Гитлера. С началом мировой войны Германия обрела в лице Ленина союзника и даже слугу. Ленин стремился разжечь гражданскую войну в России на радость немецкому кайзеру. За это он получал щедрое финансирование. С началом революции 1917 г. Германия переправляет своего шпиона в Россию через Берлин, где Ленина инструктируют, как делать революцию (уж конечно, немецкие военные разбираются в этом лучше Ленина). Получив миллиард марок, Ленин приобрел огромное влияние. Без этих денег он оказался бы маловлиятельным политиком. С помощью немецких офицеров Ленин совершил переворот с целью подписать капитуляцию перед Германией и разорить ненавидимую Россию дотла. «Долг платежом красен» – Ленин без необходимости подписывает позорный Брестский мир.

Как всегда, невероятные идеологические мифы опираются на несколько реальных фактов. Что мы знаем доподлинно?

Ленин выступал против поддержки своего правительства в империалистической войне и выдвинул лозунг «превращения мировой войны в гражданскую». При этом он настаивал, что такую же политику должны проводить социал-демократы всех воюющих стран, включая Германию, и клеймил немецких коллег за то, что они оказали поддержку кайзеру в войне. Ленин стремился к свержению всех европейских режимов, а не только российского самодержавия.

Позиция Ленина в той или иной степени получила поддержку левых социалистов на международных конференциях в Циммервальде и Кинтале. Устраивать гражданскую войну союзники Ленина не хотели, но в главном были согласны: никакой поддержки своему правительству, свержение самодержавия и борьба за всеобщий мир без аннексий и контрибуций. К числу «циммервальдийцев» принадлежали не только большевики, но и многие эсеры во главе с их лидером В. Черновым и один из основных оппонентов Ленина в социал – демократическом движении Ю. Мартов. Мартова, во всяком случае, никому не пришло в голову обвинять в получении немецких денег.

Вагон

С началом Февральской революции Ленин, как и другие революционеры, собрался на родину. Но правительства союзных России Франции, Италии и Великобритании отказали Ленину и другим левым социал-демократам в визе. Так что выбор был невелик – либо сидеть в Швейцарии до тех пор, пока Антанта не сообразовалась разрешить возвращение на родину, либо принять предложение немецких социал-демократов организовать переезд из нейтральной Швейцарии в нейтральную Швецию через Германию. То, что немецкие власти согласились на проезд эмигрантов, говорит о том, что в Берлине считали это полезным, но не вяжется с версией о шпионаже Ленина. Все-таки контакты шпионов с резидентами принято прятать, а здесь они выставляются наружу. Более того, стороны потратили много времени на согласование деталей переезда, чтобы репутация Ленина пострадала как можно меньше. Ведь сам факт проезда через Германию эмигранты не собирались скрывать. Если бы Ленин был шпионом, немцы обеспечили бы полную секретность и срочность его переброски в Россию.

Сразу по прибытии Ленина его противники попытались использовать против него «пломбированный вагон». Матросы второго балтийского экипажа, встречавшие Ленина на Финляндском вокзале, на следующий день приняли возмущенную резолюцию. Мол, если б знали, что Ленин проехал через Германию, отправили бы его назад. В Гельсингфорсе возмущенные матросы даже искупали в море большевистских агитаторов. Эти эпизоды любят приводить нынешние изобличители Ленина.¹ Но здесь они стыдливо забывают, что уже через несколько месяцев матросы станут одной из опор большевиков. Решив, что сторонники Ленина «говорят дело», матросы уже не обращали внимания, каким образом он попал в Россию. И в этом отношении они были правы. К тому же не только Ленин, но и многие видные эсеры и меньшевики (от Суханова до Чернова) выступали за скорейший мир без аннексий и контрибуций и против наступательных военных действий. А они не ездили через Германию.

Характерно, что Ю. Мартов, долго колебавшийся по поводу переезда и обставивший его разнообразными условиями, вернулся в Россию лишь 9 мая, когда события зашли далеко, и влияние Мартова в партии меньшевиков было подорвано. Ленин считал, что надо ковать железо, пока горячо, даже если где-то можно запачкать подошвы о немецкую территорию (впрочем, чисто фигурально – вагон считался экстерриториальным, так что эмигранты формально не ступали на германскую землю).

---

¹ Сикорский Е. А. Деньги на революцию. 1903-1920. Факты, версии, размышления. Смоленск, 2004. С. 249.

Должок

Настоящая интрига начинается, когда речь заходит о немецких деньгах, полученных большевиками. И здесь важно ответить на несколько конкретных вопросов:

От кого большевики получали деньги фактически и формально?

Сколько денег они получили?

Что они сделали с помощью этих денег, чего были бы лишены без них?

Какие указания Германии большевики выполнили за полученное вознаграждение?

Считается, что Ленин получал деньги от «германского генерального штаба». Но документы представляют нам более скромный источник – имперское казначейство. Эти деньги поступали германским социал-демократам и тем самым «отмывались» – ведь нет ничего предосудительного в том, чтобы социал-демократы давали деньги товарищам из других стран.

Для транзита денег был подобран не случайный казначей – все тот же Александр Гельфанд (Парвус). Для немецкого казначейства он – недавно принятый в германское подданство предприниматель. Для социал-демократов – бывший товарищ по РСДРП, который разбогател и стал членом германской социал-демократии, оборонцем. Идеино Ленин расходился с Парвусом, и при их последней встрече они даже повздорили. Ленин указал Гельфанду на дверь.² Но...

Но дело в том, что Ленин считал, что германская социал-демократия должна ему денег. Об этом почти всегда забывают, когда говорят, что Ленина финансировала Германия. А Ленин считал, что немцы до войны зажали приличную сумму, принадлежавшую большевикам. И теперь возникли хорошие условия, чтобы получить свое.

Дело в том, что после Первой российской революции большевикам удалось правдами и неправдами сконцентрировать в своих руках приличный капитал, которого хватало, чтобы наладить нормальную партийную работу. Речь не об эсках Камо и Сталина – большая часть этих денег в связи с их явно криминальным происхождением пришлось просто сжечь, иначе можно было быть арестованными прямо в банке при желании воспользоваться «награбленным». Это только наивные западные публицисты, которых охотно перепечатывают в современной России, думают, что Ленин «после удачной экспроприации в Тифлисе мог прямо-таки купаться в неиссякаемом денежном источнике!».³ После осуждения эсков объединительным съездом РСДРП большевики тоже признали, что «такие средства борьбы несвоевременны» после окончания «гражданской войны» 1905-1907 гг.⁴ По утверждению Ленина, те деньги, которые большевики получили от эсков в 1906-1907 гг., достались не большевистским центрам, а «отзовистам» из радикальной группы «Вперед», которая вскоре откололась от большевиков.⁵

Основную часть большевистского фонда составило наследство Николая Шмидта, молодого фабриканта левых взглядов. Шмидт помогал вооружать дружинников во время восстания 1905 года в Москве, был арестован. Фабрика его была сожжена огнем царской артиллерии. Шмидт погиб в тюрьме в 1907 г. Шмидт завещал свое состояние сестрам с условием, что они передадут его большевикам.

Не без трудностей большая часть наследства перешла к большевикам. По данным осведомленного меньшевика Н. Валентинова, у них оказалось свыше 268 000 золотых рублей. Но

---

² Земан З., Шарлау В. Парвус – купец революции. Нью-Йорк, 1991. С. 190.

³ Хереш Э. Купленная революция. Тайное дело Парвуса. М., 2005. С. 130.

⁴ Ленин В. И. Известные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 72.

⁵ Ленин В. И. Известные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 72.

надо же такому случиться, что в январе 1910 г. была предпринята новая попытка русских социал-демократов объединиться под эгидой Второго Интернационала. Была создана объединенная касса партии, куда от большевиков поступили на хранение 178 000 рублей.⁶

Поскольку большевики и меньшевики друг другу не доверяли, то распорядителями кассы стали почтенные германские социал-демократы К. Каутский, Ф. Меринг и К. Цеткин. Так как деньги тратились, речь может идти о меньшей сумме. Во всяком случае, Ленин позднее особенно настойчиво будет настаивать на возвращении большевикам около 30 000 рублей.⁷

Вскоре большевики и меньшевики опять переругались. Ленин некоторое время пытался добиться от немецкой социал-демократии признания именно за большевиками права считаться истинными представителями российской социал-демократии, так как противостоящие им фракции слишком далеко уклонились от центра вправо («ликвидаторы») и влево («отзовисты»). Авторитет партии в это время для него был важнее денег – транш в 44 850 франков Ленин перевел Цеткин в июне 1911 г.,⁸ через полгода после того, как большевики уже потребовали аннулировать соглашение 1910 г. об объединении бюджета социал-демократов.

Ленин потребовал деньги назад, а позднее и вовсе создал РСДРП большевиков, которую считал правопреемницей всей РСДРП. В условиях политической склоки держатели в августе-ноябре 1911 г. заявили о сложении полномочий. Но при этом они заявили, что вопрос остается спорным, и деньги останутся в банке. Деньги лежали на счете, которым формально распоряжалась Цеткин.

Ленин был чрезвычайно разгневан на Цеткин, обвинял ее в том, что она в ходе переговоров о деньгах «налгала».⁹ Но Цеткин стояла насмерть. Видимо, она просто не могла уступить. Не она решала этот вопрос.

Любопытно, что в дальнейшем Цеткин имела хорошие отношения с Лениным, занимала близкие ему позиции (то есть боролась против своего – германского – правительства) и вступила в компартию Германии. Предвоенный эпизод Ленин как бы «простил» и больше о деньгах не вспоминал, хотя во время войны они были ему очень нужны.

Письма Ленина показывают, что в 1915-1916 гг. финансовое положение партии было нестабильным и временами крайне тяжелым.¹⁰ Это опровергает придумки некоторых мифотворцев о том, что большевики оказались на содержании «немецкого генштаба» вскоре после начала войны.¹¹

Цеткин, учитывая их дружбу, могла бы разморозить фонд. Но, по всей видимости, это было не в ее власти, особенно после начала войны. Тут нужна была «виза» властей. И поступила эта «виза» в 1917 г. Примерно полмиллиона марок, «зависших» в Германии в 1910 г., стали возвращаться в кассу большевиков через социал-демократа Гельфанда. Для немецких дипломатов это была возможность поддержать партию, с которой у Германской империи вдруг совпали интересы. Для Гельфанда – поучаствовать в «большой игре» и прокрутить через свою фирму капиталы (особенно если имперское казначейство войдет во вкус и увеличит лимиты). Для Ленина – сорвать с империалистов и социал-патриотов то, что они задолжали, а по возможности – получить деньги еще и сверх того на мировую революцию, в том числе в самой Германии.

---

⁶ Валентинов В. Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 118-120.

⁷ Ленин В. И. Известные документы. 1891-1922. М., 1999. С. 86.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Волкогонов Д. Ленин. М.: 1994. Кн. 1. С. 109.

¹⁰ См.: Ленин. ПСС. Т. 49. С. 84, 106, 138, 153, 164, 302, 367.

¹¹ Спиридович А. Большевик: от зарождения до прихода к власти. М., 2005. С. 260.

Финансовая схема и моральные принципы

Схема переправки денег должна была запутать русскую контрразведку (все-таки должок возвращали из вражеского государства), что было очень выгодно Гельфанду. Финансирование осуществлялось через скандинавскую фирму Гельфанда «Фабиан Клингсланд АО», где работал большевик Я. Ганецкий (Фюрстенберг).

Трансферты шли через отделения «Ниа Банкен» в Копенгагене и Стокгольме в Сибирский банк в Петрограде. Нужно иметь в виду, что «Ниа Банкен» был банком нейтральной страны. Он имел дела и с Германией, и с Россией, в 1916 г. при его посредничестве было заключено соглашение об американском кредите для России в 50 млн долл.¹² То есть формально большевики получали деньги от нейтралов, партнеров бывшего партийного товарища Парвуса. Мы сейчас знаем, что Парвус, он же немецкий подданный Гельфанд, при этом консультировался в собственном МИДе. И что?

В середине 1917 г. общение с социал-демократами Германии не считалось в России чем-то особенно предосудительным. В мае-августе 1917 г. социал-демократы воюющих стран готовили в Стокгольме конференцию социалистов, которая могла бы стать мостом между воюющими блоками и способствовать заключению мира. В рамках этих консультаций Гельфанд встречался 13-14 июля с представителями меньшевиков и эсеров Смирновым и Русановым.¹³

Когда сегодня политики получают финансирование от зарубежных источников, они не всегда могут проследить, проходили ли эти деньги через какие-то арабские счета, которые одновременно финансируют, скажем, чеченских боевиков. Мир финансов взаимосвязан, и денежные потоки пересекаются причудливым образом. В современной многопартийной политической системе, где партия не может существовать без внешнего финансирования, это приводит к удивительным парадоксам. Отрицая право организации финансироваться из-за границы, потому что за граница не любит Россию, вы становитесь защитником интересов именно предпринимательских кругов. Потому что тогда за реальное влияние могут бороться только такие политические силы, которые финансируются отечественными толстосумами. Но фокус в том, что национальный капитал «зарабатывает» средства путем операций все с той же за границей и в результате эксплуатации отечественных работников. Так что во многих отношениях национальная буржуазия ничем не лучше интернациональной (филиалом которой она является на практике).

Принципиально важно для моральной оценки политика совсем другое: действует ли в его отношениях с источником финансирования правило «кто платит, тот и заказывает музыку», или тому, кто платит, просто нравится та музыка, которую музыкант играл бы при любых условиях? В другой связи А. С. Пушкин так сформулировал это правило: «Не продается вдохновение, но можно рукопись продать».

Национальная буржуазия здесь, рядом, и она всегда может проследить, правильно ли выполняется ее политический заказ, а если нет – применить санкции. Зарубежные спонсоры в этом отношении обычно слабее. Так же и в случае с Лениным. Получая свои деньги из Германии – формально от шведов, датчан и Парвуса, Ленин не давал никаких обязательств. Его позиция не менялась. Ему никто не заказывал музыку. Он не торговал «вдохновением».

В Петрограде деньгами распорядилась сотрудница фирмы Е. Суменсон. Но не будем забывать, что фирма легально торговала медикаментами, продовольствием и т. д. Так что деньги по этому каналу ходили туда-сюда, а не передавались большевикам. Только часть денег Суменсон относил М. Козловскому, от которого они попадали большевикам. Ленин публично

---

¹² Саттон Э. Уолл-стрит и большевицкая революция. М., 1998. С. 60.

¹³ Земан З., Шарлау В. Указ. соч. С. 263.

не признавал, что получал деньги от Ганецкого (еще бы!), но в 1923 г. было опубликовано письмо, где Ленин упоминает о получении денег через Козловского. Правда, сумма небольшая – 2 тысячи рублей.¹⁴

После июльских событий Е. Суменсон была арестована и согласилась сотрудничать со следствием. Через руки Суменсон, согласно ее показаниям, после ареста 8 июля, прошло более 2 миллионов рублей, часть которых вернулась назад фирме, и только часть ушла на сторону. Но сколько? Суменсон сняла со счетов 750 тысяч рублей, использование которых не могла полностью подтвердить коммерческой необходимостью. Следователь контрразведки Б. Никитин считал, что она передала большевикам 800 тысяч.¹⁵ 750 тысяч рублей – теоретически возможный максимум немецкого финансирования большевиков в апреле-июне 1917 г. Денег могло быть и меньше – можно согласиться с Г. Л. Соболевым в том, что «опубликованные документы носят фрагментарный характер и оставляют много вопросов».¹⁶ Далеко не все 750 тысяч могли уйти Козловскому – бизнес в России требует самых неожиданных затрат. В любом случае с учетом инфляции (за время войны рубль подешевел в 3-4 раза) сумма, полученная от немцев, вполне сопоставима с наследством Шмидта, часть которого немецкие социал-демократы «зажали» в 1911 г. Разумеется, Ленин не считал каждый рубль, чтобы, не дай бог, не взять лишку. Ленин был готов взять с немцев больше, чем те ему задолжали. Ведь часть денег шла на международную деятельность большевиков, то есть, с точки зрения Ленина, на пользу немецкому пролетариату.

* * *

Немцы финансировали не только Ленина, но (через немецких социал-демократов) и других противников войны, а также националистов-сепаратистов. Поскольку информации о связях собственно Ленина с немцами маловато, а нужно заполнять книги многочисленными «фактами», то авторы современных сочинений на эту тему посвящают немало места рассказам о самых разных аферистах, кормившихся от немцев. Вот агент Львов в 1915 г. обещает взорвать мост через Волгу и поднять восстание.¹⁷ Деньги – то горазд получать. А где диверсии, где восстания? Аферист на аферисте. Но при чем здесь Ленин? Документов с его обещаниями кайзеру расследователи не приводят.

Немцы финансировали эстонского националиста А. Кескюлу. Обличители Ленина поэтому пытаются придать Кескюле фантастическое влияние на политику большевиков. Якобы он даже, «финансово подпитывая Ленина» в 1915 г., изменил его точку зрения. В чем же это изменение? Если сначала Ленин мечтал о мировой революции, то теперь он стал выступать за то, что «вначале надо победить Россию».¹⁸ Так «интерпретирует» Ленина Э. Хереш. Но где у Ленина она вычитала такую сенсационную мысль, Хереш не поясняет. Из ее книги вообще не видно, читала ли она Ленина или знакома с этой темой по телепередачам. Но, перефразируя известный анекдот, в данном случае можно сказать, что немец не читатель, а писатель.

Жандармский генерал А. Спиридович, пытаясь доказать, что большевики служили немцам с самого начала войны, вдруг сообщает интересный факт – один из лидеров немецкой социал-демократии Ф. Шейдеман финансировал через Ганецкого газету Горького.¹⁹ Горький,

¹⁴ Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 227-228.

¹⁵ Сикорский Е. А. Указ. соч. С. 330-331; Мельгунов С. П. Золотой немецкий ключ большевиков. Нью-Йорк, 1989. С. 108; Никитин Б. Роковые годы. Париж, 1937. С. 117-130.

¹⁶ Соболев Г. Тайна «немецкого золота». СПб., 2002. С. 365.

¹⁷ Хереш Э. Указ соч. С. 203.

¹⁸ Там же. С. 196.

¹⁹ Спиридович А. Указ. соч. С. 307.

как известно, не был большевиком и в 1917 г. изрядно критиковал Ленина. Как социал-демократ, он вполне мог претендовать на финансовую поддержку немецких социал-демократов. Так это или нет, оставим на совести Спиридовича. Но версия наводит на размышление – Ганецкий мог получать часть средств из фондов Второго Интернационала, а не германского государства. И деньги через Ганецкого шли не только большевикам, но и их конкурентам в социал-демократическом движении.

Что дали деньги?

Расследователи темы «немецких денег» Г. Шиссер и Й. Траупман утверждают: «Ленин стал фигурой мировой истории в известном смысле и в результате имперской политики».²⁰

Что смогли сделать большевики с помощью 800 тысяч рублей? Прежде всего, нарастить тиражи «Правды» и других большевистских газет. Была куплена новая типография для «Правды», на которую ушло 225 тысяч.

Часть тиражей оплачивалась читателями, но чтобы обрести читателя, нужно раскрыться, выйти на уровень более популярных изданий эсеров и меньшевиков (о кадетов не говорю – у них были хорошие спонсоры). Денег для этого недостаточно. Издания должны быть интересны читателям.

В стране шла предвыборная кампания. Это требовало больших затрат на печатание газет, листовок и плакатов. В начале весны вперед вырвались партии меньшевиков и эсеров, которые могли пользоваться возможностями Совета бесплатно. Эсеры могли опереться на финансовые возможности кооперативного движения. Кадетов финансировал бизнес.

Казалось бы, партии правительственной коалиции получали монополию и на финансовые, и на административные ресурсы. Каково же было раздражение лидеров коалиции, когда большевики разрушили их финансовую монополию. У них, оказывается, тоже водились деньги, полученные не у национальной буржуазии. Как не возмутиться честному великорусскому политику, привыкшему брать деньги у отечественного плутократа?

Марксистско-ленинские авторы доказывали, что большевикам удалось собрать на «Правду» более 500 тысяч рублей с рабочих (точнее – фабзавкомов) и солдат.²¹ Даже если эти данные преувеличены, немецкие деньги были далеко не единственным источником организационно-финансовых успехов большевизма.

После июля 1917 г. большевики уже не могли получать существенное финансирование из-за рубежа, но сумели восстановить и тиражи, и массовую поддержку. К тому же не будем забывать, что в России тогда далеко не все жители читали газеты и даже не все сторонники большевиков были грамотны. Согласимся с В. Г. Сироткиным, что нельзя преувеличивать «роль антивоенной продукции, в частности „Окопной правды“ и других пробольшевистских изданий, в их воздействии на фронтовые войска, где только четыре процента солдат имели „навык самостоятельного литературного чтения“». ²² Большевики агитировали на улицах и на съездах, которых во время революции было множество. Поскольку у правительства не было телевидения, противостоять большевистской агитации было тяжело, даже если бы у них не было больших тиражей газет.

Таким образом, то, что буржуазная пресса могла делать, потому что ее спонсоры эксплуатировали рабочих, большевики сделали, вернув немецкие долги и сверх того поэксплуатировав Германскую империю. Впрочем, должок германскому народу большевики вернут вскоре после прихода к власти.

Роль денег не была решающей, а уж денег, которые Германия переплатила Ленину по сравнению с фондом Шмидта, – еще меньше. И главное – большевики доказали, что могут восстановить силы без финансовой поддержки и после серьезного разгрома их сил в июле 1917 г.

---

²⁰ Шиссер Г., Траупман Й. Русская рулетка. Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 108.

²¹ Сазонов И. О. Большевистское слово. Л., 1978. С. 129-137.

²² Примечания к: Спиридович А. Указ. соч. С. 311.

Июльский «мятеж»

Для обывательского сознания непостижимо, что кроме денег могло обеспечить победу радикальной левой партии. Но причина роста влияния большевиков лежит в другой плоскости. Экономический кризис, ухудшавший и без того тяжелое положение трудящихся, продолжал углубляться, и Временное правительство ничего не могло с этим поделать. Это порождало массовое отчаяние, стремление вырваться из сложившегося положения одним скачком, нереальные ожидания и в итоге – стремление к быстрым и решительным мерам, качественно изменяющим общество, – социальный радикализм. Большевики стали силой, которая взяла на себя консолидацию радикально настроенных солдатских и рабочих масс. Эта политическая ниша обеспечивала большевикам рост влияния в условиях нараставшего кризиса. Но при условии, что большевики останутся самой радикальной из крупных левых организаций и в то же время не сорвутся в авантюру, которая позволит правительству разгромить структуру партии. Это были нелегкие условия успеха, не имевшие никакого отношения к германским деньгам.

При этом партия большевиков не была тоталитарной сектой. В ней было правое крыло во главе с Л. Каменевым, стремившееся к союзу с социалистами, а Петербургский комитет и военная организация («военка») иногда занимали более радикальные позиции, чем Ленин. Непонимание этого простого обстоятельства иногда ставит мифотворцев в смешное положение.

* * *

Важная легенда, призванная укрепить миф о шпионаже большевиков в пользу Германии, касается июльских событий 1917 г. Якобы большевики ударили в спину наступающей русской армии и сорвали победу русского оружия, которая могла вообще покончить с войной.

Речь идет о наступлении, которое началось 18 июня под Калушем и 6 июля провалилось. Притянуть к этой истории большевиков довольно сложно. Их влияние в войсках Юго-Западного фронта, попытавшегося повторить «Брусиловский прорыв», было в это время невелико. Можно, конечно, посочинять, как Ленин информировал немцев о дате начала русского наступления.²³ Очень интересно. А Ленин – то откуда узнал? Отсюда, пожалуйста, поподробней... Нет, молчат, тупятся писатели. Еще не придумали.

Солдаты сочувствовали речам большевиков, потому что не хотели воевать. Не видели смысла. Но и на фронтовых съездах, и на митингах большевики оказывались в меньшинстве. Авторитет командования и Керенского был высок. На фронтовом съезде «само упоминание о том, что Керенский обещал приехать, вызвало такой взрыв восторга... который не уступал восторгу перед речью Брусилова... Голосование предложенной нами резолюции собрало ровно девять десятых голосов»,²⁴ – вспоминает комиссар Временного правительства В. Станкевич. Приехавший Керенский сорвал «безграничные овации в полном единодушии». Солдаты соглашались, что выполнять приказы нужно, «общий голос солдатских представителей был за наступление». И даже наиболее авторитетный большевик фронта Николай Крыленко признавал: «Я здесь высказываюсь против наступления... Но если товарищ Керенский или наш главнокомандующий дадут приказ начать наступление, то, хотя бы вся моя рота осталась в окопах, я один пойду на пулеметы и на проволоку противника...» Но споры Керенского и его сторонников с большевиками «большинство слушало молча, думая про себя свою думу... Когда дело

---

²³ Хереш Э. Указ. соч. С. 259.

²⁴ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 68–69.

стало подходить к решительному шагу, настроение солдатских масс быстро падало».²⁵ И хотя часть солдат «была полна решимости наступать», их не могло не смущать, что «наступление было организовано ниже всякой критики».²⁶

Большевики тут ни при чем. Просто провал наступления подтвердил их правоту, что дало толчок к успехам «пораженческой» пропаганды. Раз начальство не может толком организовать наступление, нечего класть солдатские головы. Комиссар Временного правительства В. Станкевич признает эту глубинную причину неудачи наступления и разложения армии: «Мы гнали других людей, не понимающих и не могущих понять смысла войны, заставляли их идти убивать каких-то для них совершенно непонятных врагов...»²⁷

Провал наступления стал крахом надежд Керенского укрепить авторитет правительства с помощью победы. Более того, пришлось срочно искать «козла отпущения», и здесь очень удачно случились волнения в Петрограде 3-4 июля. По легенде большевики решили организовать диверсию в тылу наступающей армии и тем сорвали удар.

Мы еще увидим, насколько выступление 3 июля было «организовано большевиками». Но если бы и так, нужно быть большим фантазером, чтобы считать, что демонстрация и даже беспорядки могут сорвать наступление, происходящее в другой части страны. 3-4 июля демонстранты не нападали на Зимний дворец и Генеральный штаб, что хотя бы теоретически могло нанести ущерб наступлению (хотя реальное руководство им проводилось на месте и из ставки в Могилеве). Войска Петроградского гарнизона, принявшие участие в волнениях, никак не могли переломить ситуацию и спасти Юго-Западный фронт от поражения.

Ближе к Петрограду был Двинск, где планировалось нанести второй удар, если Юго-Западный фронт двинется вперед. Действовать силами Северного фронта планировалось 5 июля, но под предлогом волнений в Петрограде атаку перенесли на 10-е. В действительности ситуация в Петрограде 5 июля уже стабилизировалась, но нужно было как-то объяснить неудачи фронта волнениями в столице. На самом деле Северный фронт не мог помочь Юго-Западному, так как немцы не сняли части из-под Двинска и вполне способны были отразить там удар: «Наступление было вполне безнадежным. Командующий армией генерал Данилов... все время доказывал Ставке, что наступление не имеет никаких шансов».²⁸

Не поражение было вызвано волнениями в Петрограде, а волнения – бессмысленностью наступления (которую и подтвердило поражение). Наступление вызвало возмущение части петроградского гарнизона и левых социалистов, поскольку оно грубо нарушало основы внешней политики Временного правительства, согласованные в марте и мае 1917 г., после скандала с «нотой Миллюкова». Россия не претендовала на захваты новых территорий, а значит, ей не было никакого смысла проводить наступательные операции. Тем более что уже «Брусиловский прорыв» показал: каковы бы ни были успехи, русская армия не в состоянии разрушить фронт даже Австро-Венгрии. Частичные успехи, оплаченные сотнями тысяч жизней, принципиально не меняют положение на фронтах. Следовательно, нужно не омыwać кровью окопы противника, а искать пути ко всеобщему миру (что и делалось в это время в Стокгольме социалистами разных стран и направлений, включая большевиков).

Для Керенского кровопролитное сражение было необходимо прежде всего для того, чтобы укрепить престиж правительства. В то же время наступление давало предлог, чтобы вывести из столицы нелояльные части. Это также нарушало соглашения, достигнутые весной с Петросоветом, и вызывало возмущение солдат и левых социалистов, отлично понимавших,

²⁵ Там же. С. 69-70, 77.

²⁶ Там же. С. 80-81.

²⁷ Там же. С. 87.

²⁸ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914-1919; Ломоносов Ю. В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. С. 85.

что вывод революционных частей может стать прелюдией к правому перевороту (корниловское выступление показало, что левые в этом вопросе были правы).

Так что взрыв возмущения в начале июля был вполне закономерен. Но при этом как раз большевистское руководство было застигнуто им врасплох.

* * *

Легенда о восстании, организованном большевиками в Петрограде, призвана решить несколько мифологических задач. Это и «удар в спину армии», и репетиция Октябрьского переворота, позволяющая порассуждать о том, что коммунистические путчи следует давить в зародыше, не считаясь с жертвами. Вот, в Германии в 1919 г. «партия порядка» сумела своевременно уничтожить вождей коммунистов Либкнехта и Люксембург – и коммунисты не оправились от удара. А Ленина упустили. Поскольку миф имеет актуально – политическое назначение, мифотворцы намекают, что если левое движение наберет силу, то на радикальные манифестации следует отвечать стрельбой и выжигать левую заразу каленым железом. А вот чем «выжигать» социальные причины, которые вызывают массовые выступления под левыми лозунгами?

Самое обидное для мифотворцев, что такая подходящая для них июльская история вовсе не была восстанием и попыткой захвата власти, организованной большевиками...

Демагогия и методы агитационной кампании большевиков вызвали раздражение у умеренных социалистов. Но в период предвыборной кампании все партии более или менее демагогичны. Еще более радикальны были анархисты, пользовавшиеся в Петрограде растущим влиянием. А большевики как раз показали, что с ними вполне можно договориться. Это доказала история с демонстрацией 10 июня.

Демонстрация, замысленная «военкой», должна была оказать воздействие на Съезд советов и правительство и была направлена прежде всего против «министров капиталистов» (то есть кадетов и представителей буржуазии) и готовившегося Керенским наступления на фронте. С точки зрения левых социалистов, наступление было бессмысленной и преступной авантюрой. Лидеры умеренных социалистов опасались, что демонстрация подвергнется нападению правых организаций (Союза георгиевских кавалеров, казаков и др.). Эти опасения не были лишены оснований – такие нападения действительно произошли во время демонстрации 3-4 июля. В накаленной обстановке провокация правых могла привести к восстанию левых. Держа в голове эту опасную перспективу, лидеры Съезда советов запретили демонстрацию 10 июня и предложили большевикам принять участие в объединенной демонстрации всех левых сил 18 июня.

Уступая требованию «оппортунистов», большевики теряли лицо. Но, проводя демонстрацию, перерастающую в вооруженное столкновение, они рисковали оказаться в глазах рабочих виновниками кровопролития, безрассудными авантюристами. В последний момент ЦК большевиков отменил демонстрацию. Это вызвало разочарование наиболее радикальных противников Временного правительства слева. Некоторые рядовые большевики в гневе рвали партбилеты.²⁹ В столице росло влияние анархистов. Петроградский комитет и «военка» были разочарованы поведением ЦК.

Ленин в это время считал выступление преждевременным, прежде всего потому, что большевики еще не преобладают в советах.³⁰ Более того, если большевики спровоцируют серьезные столкновения, на них наверняка попытаются свалить неизбежную неудачу предстоящего наступления. А вот после провала наступления, в котором большевики мало сомнева-

---

²⁹ Рабинович А. Кровавые дни. М., 1992. С. 87.

³⁰ Там же. С. 125-135.

лись, их влияние наверняка вырастет. Так что наращивание конфронтации было невыгодно большевикам.

Однако события развивались не так, как планировал Ленин.

* * *

В июне выросло влияние анархистов, которые стали составлять реальную конкуренцию большевикам в войсках Петроградского гарнизона и в рабочем Выборгском районе. Конфликт правительства с анархистами сыграл летом 1917 г. роль катализатора социального брожения. Анархисты попытались захватить типографию реакционной газеты «Русская воля». Попытка была ликвидирована без жертв, но в ответ министр юстиции попытался выселить анархистов из их резиденции на даче Дурново, что вызвало забастовки на 28 заводах. Влияние анархистов среди рабочих Выборгской стороны было велико, дача была центром культурно-просветительской работы (правительственные чины пытались представить ее чем-то вроде притона, что совершенно не соответствовало действительности).³¹ Рабочие получили в этом вопросе поддержку ВЦИК.³² Конфликт растянулся на весь июнь и превратил анархистов из относительно конструктивной силы (еще в мае их лидер Н. Солнцев осуждал попытку Кронштадтского совета провозгласить самостоятельность города) в детонатор антиправительственных волнений. Радикальная агитация анархистов могла превратить их в лидеров значительной части тех рабочих и солдат, которые прежде шли за большевиками.

Анархисты были популярны в 1-м пулеметном полку. Несколько подразделений полка были отправлены на фронт, что нарушало мартовские договоренности совета и правительства. Солдаты первого пулеметного полка были наиболее радикальной военной частью, там было велико влияние анархистов и «военки». Пулеметчики считали себя гарантами революции в столице и не собирались отправляться на фронт, тем более что левые социалисты объяснили им, что война ведется за интересы, чуждые трудящимся.

Пулеметчики уже с 1 июля были готовы выступить против Временного правительства. Эсеро-меньшевистский полковой комитет еле сдерживал их. 2 июля ЦК РСДРП (б) категорически приказал «военке» сдерживать выступление пулеметчиков. Приказ этот «военка» выполняла без энтузиазма.

2 июля в полку имел место митинг, посвященный проводам, солдат на фронт. Вот счастье мифотворцев – здесь «от имени ЦК РСДРП(б) перед собравшимися выступили Луначарский и Троцкий. Последний поносил „правительство министров-капиталистов“ за июньское наступление русских войск на Западном фронте и требовал передачи всей власти Советам».³³ Сама по себе эта речь обычна для левых социалистов. Да, они считают наступление и отправку революционных солдат недопустимым. Нет ничего нового и в требовании передачи советам власти, за что уже давно выступают большевики, левые эсеры и левые меньшевики. Но все-таки назавтра солдаты выступают. Наверное, не случайно Троцкий приехал, наверное, прямо с заседания ЦК большевиков. Мифотворцы забывают только, что Троцкий и Луначарский в это время не входили не только в ЦК большевиков, но и вообще в большевистскую партию. До августа они были «межрайонцами».

На этом митинге пулеметчиков «накручивала» ситуация, а не большевики. Местные ораторы клеймили правительство. А на следующий день пришли анархисты, которые призвали к восстанию.

---

³¹ См.: Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. С. 281.

³² Злоказов Г. И. Меньшевистско-эсеровский ВЦИК Советов в 1917 г. М., 1997. С. 42-43.

³³ Сикорский Е. А. Указ. соч. С. 286.

3 июля 1917 г. к тому же стало известно, что и правительство накануне распалось из-за выхода кадетов из кабинета в знак протеста против предоставления широкой автономии Украине. Тут уж Ленин точно был ни при чем. 3 июля он спокойно пребывал за городом.

На митинге 3 июля, где выступил Солнцев, солдаты поддержали лозунг «Вся власть Советам!» Н. Солнцев выступал за переизбрание советов.³⁴ По призыву анархистов солдаты двинулись на демонстрацию с оружием. А. Невский вспоминал, что члены «военки» поняли: «сдерживать солдат от выступления мы не сможем».³⁵ Так что вопрос состоял только в том, кто будет лидером возбужденной солдатской массы. Перед солдатами-пулеметчиками, входившими в большевистскую «военку», встал выбор – или отдать полк анархистам, или присоединиться к выступлению вопреки линии ЦК. Они выбрали второе. Делегаты были направлены в другие части гарнизона и на фабрики. Вскоре на улицы вышла грандиозная вооруженная демонстрация, противники правительства заняли Финляндский вокзал. Вооруженная демонстрация двинулась к Таврическому дворцу.

ЦК большевиков принялся сдерживать выступление, которое считал авантюрой анархистов. Ленина не было в городе, так что от имени ЦК руководили Каменев и Зиновьев, придерживавшиеся умеренной линии на компромисс с социалистами и руководством советов.

В ночь на 4 июля наличные члены ЦК, ПК большевиков и «военки» вырабатывали приемлемый компромисс. Нужно было как-то возглавить разбушевавшиеся массы и в то же время избежать открытого восстания, к которому никто не был готов.

Прибывший в Петроград утром 4 июля В. Ленин опасался радикальных действий без достаточной подготовки. Однако после того, как движение началось, большевики не могли не возглавить выступление. По справедливому замечанию А. Рабиновича, «лидерам петроградских большевиков было чрезвычайно трудно оставить без руководства демонстрантов и недавно завоеванных членов партии. В конце концов, уличные шествия возникли в результате большевистской пропаганды и были реальным свидетельством усилившейся „большевизации“ масс».³⁶ Отказавшись от лидерства в выступлении, большевики потеряли бы репутацию радикалов и связанную с этим поддержку широких слоев населения и войск, радикализированных военной и социальной ситуацией. Тем более что большевикам уже «дышали в затылок» анархисты, фактически возглавившие выступление в его первые часы. В итоге Петербургский комитет РСДРП(б), а затем и большинство ЦК решили возглавить демонстрацию, чтобы превратить ее «в мирное, организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда».³⁷ Ни о каком восстании речь не шла.

Раскольников вспоминает, как Ленин уклонялся от публичного выступления 4 июля: «Разыскав Владимира Ильича, мы от имени кронштадтцев стали упрашивать его выйти на балкон и произнести хоть несколько слов. Ильич сперва отнекивался, ссылаясь на нездоровье, но потом, когда наши просьбы были веско подкреплены требованием масс на улице, он уступил и согласился».³⁸ Сказав несколько слов о бдительности и конечной правоте лозунга «Вся власть Советам!», вождь удалился с балкона. Когда Ленин на самом деле собирался брать власть, он вел себя иначе. А в этой двойственной ситуации 4 июля было важно не растерять накопленного партией потенциала и в случае удачи достичь выгодного компромисса с социалистами, давить на них и не спугнуть их.

Большевики, разумеется, стремились к власти, чего не скрывали. Но в этот период они требовали передать власть советам, в которых сами не имели большинства. Ленин надеялся,

³⁴ Подробнее см.: Рабинович А. Указ. соч. С. 159-160; Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 51, 54.

³⁵ Невский В. И. Народные массы в Октябрьской революции. // «Работник просвещения». 1922. № 8. С. 21.

³⁶ Рабинович А. Указ. соч. С. 175.

³⁷ Церетели И. Г. Кризис власти. М., 1992. С. 152.

³⁸ Раскольников Ф. Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. М., 1990. С. 133.

что в случае, если советам придется проводить радикальные преобразования, реальное влияние в них быстро перейдет левым крыльям социалистических партий, то есть к союзу большевиков, левых эсеров (тогда еще не выделившихся из партии эсеров и пытавшихся перетянуть на свою сторону ее лидера В. Чернова) и левых меньшевиков (в том числе Мартова, Троцкого и Луначарского). Превращение советов в источник власти сделало бы большевиков одной из правящих партий при возможности добиваться радикальной политики без оглядки на кадетов. В условиях, когда большевики не имели в советах большинства, требование «Вся власть Советам!» не давало большевикам единоличной власти и лишь означало замену только что распавшейся коалиции социалистов и кадетов коалицией тех же социалистов и большевиков. Никакого переворота.

Политолог В. Никонов, попробовавший себя на ниве исторической науки, утверждает: «Большевистские лидеры... никогда официально не признают, что готовили на 3-4 июля захват власти, представляя происшедшее как стихийную демонстрацию, которую они якобы старались направить в мирное русло. Убежден, они пытались взять власть».³⁹ Убеждение это основано на известном рассказе одного из руководителей военной организации большевиков В. Невского о настроениях военной организации большевиков и о том, что он неискренне агитировал против выступления, так как на самом деле был его сторонником.⁴⁰ Если бы В. Никонов ознакомился с более широким кругом источников и научной литературой по этому вопросу, он бы знал, что воспоминания Невского подтверждают только то, о чем давно известно: между «военкой» и ЦК большевиков существовали разногласия. Сдерживая выступление и придавая ему мирный характер, «большевистским лидерам» во главе с Лениным приходилось преодолевать и радикальные настроения части своего актива, в том числе «военки».⁴¹ Понятно, что, когда Невскому пришлось подчиниться решению ЦК, он выполнял его без энтузиазма.

В. Никонову неведомо, что «Невский и Подвойский отличались независимостью духа (советские источники трактуют это как нежелание подчиняться линии Центрального комитета)»,⁴² так что судить о намерениях большевистского ЦК и Ленина по мемуарам Невского о его собственных настроениях – это простительно разве что политологу.

Глубокий исследователь событий 1917 г. А. Рабинович пишет: «В то время в Петрограде существовали три в большой степени самостоятельные организации РСДРП(б) – Центральный комитет, Всероссийская военная организация и Петербургский комитет. Каждая из них имела свои собственные интересы и сферы деятельности».⁴³ Военная организация («военка») и Петроградский комитет, находясь под постоянным давлением возбужденных солдат и рабочих и в то же время обладая меньшим опытом, чем высшие руководители партии, были настроены более радикально, чем ЦК.

Есть еще несколько свидетельств обсуждения большевиками возможности взять власть, но все они подтверждают, что Ленин не планировал этого делать в июле.

В разгар событий Ленин стал колебаться, гипотетически обсуждая с Троцким и Зиновьевым, «а не попробовать ли нам сейчас?», но в итоге сам опровергал себя: «нет, сейчас брать власть нельзя; сейчас не выйдет, потому что фронтовики еще не наши; сейчас обманутый Либерданами фронтовик придет и перережет питерских рабочих».⁴⁴

³⁹ Никонов В. Молотов. Молодость. М., 2005. С. 279.

⁴⁰ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1956. С. 143.

⁴¹ Рабинович А. Указ. соч. С. 153-155, 164, 169-177.

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ Рабинович А. Указ. соч. С. 13.

⁴⁴ Зиновьев Г. Ленин – Ульянов. Пг., 1917. С. 56.

Суханов пересказывает рассказ Луначарского о том, что 4 июля Ленин, Троцкий и Луначарский планировали захватить власть и вместе создать правительство. Луначарский категорически отрицал достоверность этого рассказа. В версии Суханова, на которой и сам он не настаивал категорически, лежат недостоверные детали (в частности, о решающей роли в событиях 176-го полка), противоречия, на которые указывает сам Суханов, считая их противоречиями в рассказе Луначарского. Наиболее вероятно, что в рассказе Суханова отразились представления Луначарского о возможной конфигурации власти тогда, когда власть будет захвачена. Но – в перспективе, а не 4 июля. Также Луначарский признавал, что рассказывал Суханову о беседе с Троцким, когда тот сказал 4 июля, что в случае перехода власти к большевикам и левым социалистам «массы, конечно, поддержали бы нас».⁴⁵ Но Троцкий – не Ленин, и пока – даже не член большевистского ЦК.

Таким образом, нет доказательств, что большевики планировали захватить власть сами или даже пришли к такому решению под давлением событий. Решение о захвате власти они примут только осенью. Поскольку в итоге, в ноябре, партия большевиков все-таки совершила вооруженный захват власти, ее участникам не было никакого смысла скрывать свои намерения предыдущих месяцев. Тем не менее они в один голос утверждают, что в июле брать власть в руки именно своей партии не собирались. И лишь мифотворцы выстраивают домыслы, призванные доказать обратное.

* * *

Для объективной оценки требований большевиков нужно учитывать, что их противники в этот момент тоже обсуждали возможность передачи власти социалистическому правительству, опирающемуся на советы.

Уход либералов из правительства и массовое негодование против них создавало для социалистов (меньшевиков и эсеров) идеальную возможность для взятия всей полноты власти и активизации реформ, которые до этого парализовали кадеты.⁴⁶ ВЦИК обсуждал возможность взять власть, но лидеры советского большинства отказались делать это под давлением вооруженной силы большевиков и анархистов.⁴⁷ В этом случае правительство стало бы ответственным не перед советами, а перед своевольным столичным гарнизоном, «преторианской гвардией» революции. Меньшевик И. Церетели предложил провести в ближайшее время II съезд советов в Москве, то есть вне давления радикальных воинских частей и рабочих. Резолюция ВЦИК в ночь на 5 июля не отрицала возможности создания советского правительства.⁴⁸ Выступая в совете, левый социал-демократ Стеклов утверждал: «Девять десятых населения с восторгом встретят социалистическое министерство».⁴⁹

Под давлением левых (но уже не улицы, так как демонстрация к моменту голосования закончилась) была принята резолюция, сформулированная по компромиссному проекту эсера А. Гоца. В соответствии с ней власть может перейти к советам, но только по решению широкого собрания исполкомов с представителями с мест. Оно планировалось через две недели.⁵⁰ Но так и не было проведено. Социалисты колебались, и вот-вот могли пойти на компромисс с большевиками на основе социалистической многопартийности.

⁴⁵ Суханов Н. Н. Указ. соч. Т. 2. 366-367.

⁴⁶ Подробнее см.: Шубин А. В. Социалисты в Российской революции. 1917-1921. // Карло Роселли и левые в Европе. М., 1999. С. 97-99.

⁴⁷ См.: Злоказов Г. И. Указ. соч. С. 72-76.

⁴⁸ См.: там же. С. 86.

⁴⁹ Цит. по: Рабинович А. Указ. соч. С. 211.

⁵⁰ Там же. С. 216.

Но в ходе дальнейших событий шанс, который эта ситуация предоставляла умеренным социалистам, был упущен. Они не перехватили лозунг «Вся власть Советам!» тогда, когда обладали большинством в советах, не втянули большевиков и анархистов в систему власти (что позволило бы связать их ответственностью). Вместо этого умеренные социалисты принялись репрессивными методами отстаивать прежнюю систему коалиции с кадетами, неспособную к проведению социальных преобразований.

Ситуацию обострили столкновения 3-4 июля, произошедшие между сторонниками и противниками демонстрантов (в большинстве случаев именно революционные колонны подвергались обстрелу со стороны казачьих и офицерских формирований). Даже жандармский генерал А. Спиридович, настроенный к большевикам резко враждебно, признает, что 3 июля «публика напала на автомобили, в которых находились солдаты и рабочие с пулеметами». ⁵¹ Воспользовавшись этими столкновениями, власти объявили, что большевики подняли восстание. Это ощущение усиливалось и отдельными актами применения силы против «соглашателей» (например, арест демонстрантами министра В. Чернова, тут же освобожденного по настоянию Л. Троцкого). В этих условиях Чернов, склонявшийся к идее однородного социалистического правительства, не стал настаивать на ней. Площадь перед ВЦИК была заполнена вооруженными людьми. Время от времени демонстранты проникали в зал заседаний, произносили речи, в которых требовали взять власть, арестовать министров-капиталистов, выйти для объяснений к возмущенной толпе.

В этих условиях противники компромисса с большевиками в правительстве объявили, что большевики подняли восстание. Кто-то стреляет, то ли большевики, то ли по большевикам – явное восстание. Против «восстания» правящая группа считала возможным бороться любыми средствами. 4 июля министром юстиции П. Переверзевым стали распространяться материалы о том, что Ленин является немецким шпионом. Распространенные в июле материалы были крайне неубедительными. ⁵²

Правительственное сообщение, опубликованное 5 июля в газете «Живое слово», было основано на путаных показаниях некоего Ермоленко, который был в плену завербован немцами и заслан в Россию. Тут он во всем сознался и сообщил стратегическую информацию о том, что большевики финансируются Германией через Гельфанда и Фюрстенберга. С какой стати немецкое командование должно было сообщать эти сведения первому попавшемуся мелкому агенту? Очевидно, что следователи Временного правительства не имели доказательств своей агентурной информации и решили «слить» ее таким образом.

Воздействие этой агитации на колеблющуюся часть войск, а также полный тупик, в котором оказались радикалы из-за отказа советских лидеров взять всю власть от имени советов, привели к свертыванию движения уже 5 июля. Подошли части, верные социал-демократам и эсерам. Ленину и некоторым другим лидерам большевиков пришлось уйти в подполье. Шанс добиться компромисса между сторонниками советской демократии и социалистической перспективы был упущен. В конечном итоге это предопределило готовность большевиков захватить власть самим и начать радикальный коммунистический эксперимент.

⁵¹ Спиридович А. Указ. соч. С. 334.

⁵² Церетели И. Г. Указ. соч. С. 201-203.

Миллионы для диктатуры пролетариата

В июле 1917 г. Ленин перестал получать финансирование из-за рубежа, его партия потерпела поражение, сам он был дискредитирован. Но социальный запрос на идеи большевизма был все сильнее, и партия Ленина вернула силы, подобно Антею, восстановила свои структуры и пришла к власти. Это уже само собой показывает, насколько мала была роль немецких денег в победе большевиков.

После июльского скандала финансовые отношения между большевиками и Германией прерываются. Сторонники помощи большевикам вынуждены были признать провал – их партнер потерпел сокрушительное поражение, и вкладываться в него было бы неразумно. Теперь Рейхсбанк не даст денег, тем более что наследство Шмидта выплачено.

Обжегшись на молоке, большевики затем дули на воду. 24 сентября ЦК РСДРП (б) отклонил предложение К. Моора о финансовой помощи, так как не вполне ясен его источник. Помощь от Моора принимали в мае – он тогда пожертвовал 73 тыс. крон. После революции Моор попросил ее компенсировать, так как собирал частные пожертвования и вкладывал собственные средства. Большевики сочли просьбу Моора оправданной. Они исходили из того, что переданные им деньги не исходили из германского генштаба (тогда бы не следовало и возвращать).

Зато стоило большевикам прийти к власти, в Берлине началось чрезвычайное возбуждение. Ленин доказал, что является серьезным партнером. Обсуждается передача Ленину 15 миллионов марок для стабилизации положения его правительства.⁵³ На эту переписку между германскими чиновниками обычно ссылаются авторы, которые хотят доказать, что революция совершилась на немецкие деньги. Правда, переворот большевики сумели организовать и сами. А вот были ли эти 15 миллионов оперативно переправлены в Петроград или дело свелось к обсуждению в Берлине? Даже если толика этих 15 миллионов и попала в Петроград, она была потрачена на нужды германского народа, как их понимали большевики.

Сразу после прихода большевиков к власти началось печатание полумиллионным тиражом революционной газеты «Ди Факел», перебрасывавшейся на фронт и за его линию. Первый же посол Советской России в Германии А. Иоффе привез деньги на революционную пропаганду, которые перекочевали к левым социал-демократам. Так что можно сказать, что излишки денег, переплаченные немцами сверх наследства Шмидта, прошли по цепочке Имперское казначейство – Гельфанд – Ленин – Иоффе – немецкая левая оппозиция. И никаких экспроприаций.

Но опубликованные документы заставляют усомниться, что 15 миллионов пришли в Петроград. Реальные суммы, о получении которых сообщается в тех же документах, – 20 000 марок.⁵⁴ То есть это были выплаты агентам, пытавшимся посредничать между большевиками и немцами.

Но большевики вышли из положения, вступив в игру с Антантой. Шантажируя Антанту сближением с немцами, а немцев – сближением с Антантой, Ленин получил поддержку от обоих лагерей, не связав себя никакими обязательствами.

Американские финансовые интересы в России представляла миссия Красного Креста, которую спонсировали американские тресты. Пока Красный Крест занимался исключительно своими уставными задачами, в этом финансировании не было ничего необычного. Руководителем миссии был полковник У. Томпсон, прежде работавший директором Федерального резервного банка Нью-Йорка. Томпсон мог самостоятельно принимать решения о переводе

---

⁵³ Шиссер Г., Траупман Й. Указ. соч. С. 137-141.

⁵⁴ Шиссер Г., Траупман Й. Указ. соч. С. 137-139.

миллионов долларов. Он начал с того, что передал 2 миллиона Комитету народного образования для нужд пропаганды, фактически – в поддержку Керенского.⁵⁵

Как только победили большевики, Томпсон стал искать контакты с ними. Он считал, что можно ударить по немцам их же оружием – поддержав большевиков и их революционную пропаганду в Германии. В начале декабря 1917 г. Томпсон перевел большевикам миллион долларов,⁵⁶ что сняло вопрос о зависимости от немецкой помощи. Впрочем, в ноябре 1917 г. «вопрос о власти» решало количество не долларов, а штыков.

* * *

У сторонников версии о шпионаже Ленина в пользу Германии остается последний аргумент – он подписал мир с Германией, который сам же и назвал «похабным».

История заключения Брестского мира многократно и подробно описана в работах авторов, которые придерживаются самых разных взглядов.⁵⁷ С какой стороны ни посмотри, большевики и их союзники левые эсеры попали в тяжелое положение, и выбор у них был невелик. Был ли Ленин трижды немецкий агент или ультрапатриот, но он не был свободен в своих действиях. В феврале 1918 г. советская власть оказалась перед лицом германского ультиматума, а затем и наступления. Оставшиеся на фронте части и Красная гвардия не смогли оказать вторжению достаточного сопротивления. Большевики и левые эсеры горячо спорили, насколько далеко могут пройти немцы, какую часть России смогут оккупировать, но все аргументы – и Ленина, и его оппонентов – были основаны на предположениях, а на кону была судьба страны и советского проекта.

Ленин, для которого «вопрос о власти» был «ключевым вопросом всякой революции», понимал, что широкое сопротивление вторжению немцев возможно с помощью более широкой поддержки; чем та, которой обладает советская власть. Это означало, что продолжение войны приведет к «сдвигу власти» от большевиков и левых эсеров к более широкой коалиции, где большевики могут потерять господствующие позиции. Поэтому для Ленина продолжение войны с отступлением в глубь России было неприемлемо.

Именно это, а не мифические обязательства перед Германией определило позицию Ленина в условиях немецкого наступления в глубь России и Украины. Для него подписание мира было таким же вынужденным шагом, как и для других большевиков.

Ленину удалось с большим трудом убедить партийное руководство санкционировать этот мир, но в итоге его аргументы победили – страна жаждала «передышки» в войне. Несмотря на тяжесть Брестского мира, он был заведомо временным и не означал отказа от идеи мировой революции как таковой. Большевицкое руководство осознавало, что без революционного взрыва в Германии изолированная Россия не сможет перейти к строительству социализма. Революция в Германии делала мир бессмысленным (он и будет отменен сразу после начала Ноябрьской революции 1918 г.). Большевики оказывали поддержку силам, развернувшим вооруженную борьбу на Украине, оккупированной Германией и ее союзниками.

По Брестскому миру большевики должны были выплатить контрибуцию в 6 миллиардов марок. Но Ленин организовал дело так, что контрибуцию Советской России стала платить Германия.

В мае-июне 1918 г. германский посол Мирбах с тревогой сигнализирует, что правительство Ленина вот-вот перейдет на сторону Антанты, которая уже оказывает ему материальную

---

⁵⁵ Саттон Э. Указ. соч. С. 90-91.

⁵⁶ См.: там же. С. 91-92.

⁵⁷ См., например: Ксенофонтов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели. Документальный репортаж. М., 1991; Фельштинский Ю. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992.

помощь. Так что «при сильной конкуренции Антанты» нужно срочно выделить 3 миллиона марок в месяц. До убийства Мирбаха в июле 1918 г. большевики получили миллион. Накануне убийства Мирбаха МИД сообщил ему о готовности направить еще 3 миллиона.⁵⁸ Отправили ли их, неизвестно – германский посол был убит левыми эсерами. Но документы об этой последней выплате показывают, что явным преувеличением являются неофициальные заявления германских чиновников и социал-демократов, сделанные в 1921 г., о том, что большевики получили от Германии 50-60 миллионов марок.⁵⁹ Весь бюджет, выделенный на пропаганду в стане Антанты, был меньше – 40 580 977 марок.⁶⁰

Впрочем, фантазиям нынешних мифотворцев нет арифметических пределов. Уже встречаются авторы, которые утверждают, что большевики получили от Германии миллиард марок.⁶¹ Я не удивлюсь, если скоро «выяснится», что Германия проиграла Первую мировую войну, потому что спустила на большевиков весь свой военный бюджет.

Ленин принимал деньги от Германии, часть которых была просто возвращением старого долга, а часть – результатом временного совпадения интересов. Ленин обещал разжигать революционное движение, и делал это. Сначала – в России, затем – и в Германии, куда «немецкие деньги» были с лихвой возвращены. И уже в 1919 г. германская элита вынуждена была отбиваться от волны коммунистических восстаний. Но как революция в России не была вызвана немецкими деньгами, так и восстания немецких левых не были результатом финансовой помощи большевиков. Социальная почва для революционных движений, переворотов и массовых партий возникает внутри страны. Деньги, откуда бы они ни пришли, сами по себе могут лишь помочь создать организационный каркас. Если в обществе нет социального запроса на политическое событие, деньги позволяют создать только муляж.

---

⁵⁸ Шиссер Г., Траупман Й. Указ. соч. С. 166-169.

⁵⁹ Фельштинский Ю. Г. Как добывались деньги на революцию // Вопросы истории. 1998. № 9. С. 47.

⁶⁰ См.: Тайна Октябрьского переворота. Ленин и немецко-большевистский заговор. Документы, статьи, воспоминания. СПб., 2001. С. 8.

⁶¹ Милосердов В. Сколько стоила Октябрьская революция? // Аргументы и факты. 1992. № 29-30. Телеведущая программы «Невидимый фронт» (канал «Столица») добавляет с детской непосредственностью: «миллиард марок в современном эквиваленте». Это для убедительности. Понятно, что журналистка может быть безграмотна в области истории. Но ведь она должна знать, что немецкой марки уже нет. Может, Ленину заплатили миллиард евро?

Очерк третий. Мифы о гражданской войне: «белые рыцари», «маньяки террора», «анархо-бандиты»

Свергнув царя, народ Российской империи впал в безумие и стал в припадке убивать лучших людей. Во главе этого шабаша встали маньяки террора и уголовники, которые действовали под красным знаменем большевизма и черным флагом анархизма. Этой вакханалии противостояли белые рыцари без страха и упрека, борцы за правовое государство...

Впрочем, есть и другая версия тех же событий. На Советскую Россию, государство рабочих и крестьян, напали 14 государств и остатки свергнутой большевиками буржуазии. К ним присоединились кулаки и сепаратисты, которые подняли восстания по всей стране. Пришлось рабочему классу и крестьянству во главе с Лениным пойти на вынужденные жесткие меры, чтобы защитить власть советов и обеспечить трудящимся счастье, справедливость и народовластие.

«Поход 14 держав» и ландскнехты мировой революции

Историки скрупулезно разбираются в причинах Гражданской войны, изучают те социальные, политические и психологические обстоятельства, которые привели к этому широкомасштабному братоубийству. Но мифотворцам нет дела до их работы. У них – своя война. С одной стороны, советские державники, которые пытаются сохранить старую сказку: рабочие и крестьяне приступили к мирному строительству, а тут на нас напали интервененты. Если бы не они, все было бы тихо и мирно. В общем – все та же рука Запада помешала. С другой стороны – белые державники, которые видят в революции разнуздание дьявольских сил, а в действиях коммунистов – осуществление продуманного плана по превращению России в пустыню (нечто подобное нам рассказывают и в ПАСЕ). Поскольку истинно русские люди не могли содействовать коммунистам, то в «белом» мифе главной опорой большевиков становится многонациональный сброд наемников. Россия в этой картине, нарисованной мифотворцами разных лагерей, оказывается игрушкой в руках внешних сил: еврейского заговора, воплотившегося в марксизме, британской разведки, заславшей в Россию вооруженных чехов, банд многонациональных наемников, оккупантов, составивших чуть ли не главную силу, против которых приходилось сражаться Красной армии. Достаточно послушать, какую внешнюю силу собеседник считает причиной бедствий России, – и можно многое сказать о его мировоззрении. Увы, реальных уроков истории из такой картины извлечь нельзя.

Прежде чем искать причины войны во внешних происках, следует обратиться к причинам внутренним. Их может не заметить только слепой. Широкомасштабная Гражданская война, разразившаяся в мае-июне 1918 года, была вызвана тяжелым социально-экономическим и социально-политическим кризисом. Ответственность большевиков за его углубление трудно отрицать. Здесь и неудачная экономическая политика, связанная со стремительной национализацией, и разгон Учредительного собрания, толкнувший к подготовке вооруженного сопротивления большевизму демократические партии, за которые проголосовало большинство населения. Брестский мир уязвил патриотические чувства миллионов людей. Радикальные меры большевиков раскалывали общество на враждующие части. С присущим им радикализмом большевики развернули наступление на крестьянство. Решающий шаг был сделан в самый канун Гражданской войны. 13 мая 1918 г. был принят декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию», известный как Декрет о продовольственной диктатуре. Формально он конкретизировал принятое еще Временным правительством решение о введении продовольственной монополии, но теперь предусматривал насильственное изъятие продовольственных «излишек» у крестьян. Теперь большевизм нес конкретную угрозу благосостоянию крестьян.

Хотя большевики действовали от имени советской власти, власть советов в это время становилась фикцией. Попытка части советов сопротивляться продовольственной диктатуре была пресечена. Усилились чистки советов, начались их разгоны. Общество теряло пути ненасильственного сопротивления действиям правительства. А недовольство усиливалось и могло прорваться прежде всего в форме вооруженного сопротивления. Эта ситуация сделала практически неизбежной широкомасштабную гражданскую войну.

Гражданская война была подготовлена политикой большевиков. Большинство коммунистических лидеров недооценивали опасность и возможные масштабы гражданской войны и потому не боялись ее. Но «первыми начали» не большевики, а их противники.

Основные противники большевиков – эсеры рассчитывали, что продовольственная политика власти скоро вызовет массовые крестьянские восстания в Поволжье. И тогда задача пар-

тии будет заключаться в том, чтобы организовать антибольшевистский фронт.⁶² Но планы социалистической оппозиции были сорваны, причем не коммунистами, а... чехословацким корпусом. Вот тут-то на сцену и выходит «рука Антанты».

* * *

Через Сибирь эвакуировался во Францию корпус бывших военнопленных чехов и словаков. Это была военная часть численностью до 50 тысяч бойцов, сформированная во время Первой мировой войны для борьбы за освобождение славян от Австро-Венгрии. Ею руководил Чехословацкий национальный совет (ЧНС), лидеры которого симпатизировали социал-демократам и эсерам. Попытки лидеров Белого движения привлечь корпус к своей армии оказались неудачными. В Добровольческой армии удалось сформировать небольшой отряд чехов и словаков во главе с инженером Кралем, но его численность не шла ни в какое сравнение с количеством чехов и словаков, служивших в красных формированиях, куда ушли 10 тысяч человек.

После заключения перемирия между Россией и Германией чехи и словаки потребовали отправки на Западный фронт, где они могли продолжить борьбу с Германией и Австро-Венгрией за независимость своих народов. 10 февраля было заключено соглашение советского командования на Украине и представителей чехов и словаков о пропуске корпуса во Францию. Когда немцы двинулись на Украину, они попытались блокировать чешские части, но те отбились под Бахмачем и оказались в России.

29 марта 1918 г. было заключено соглашение Совнаркома и ЧНС, в соответствии с которым чехи и словаки в качестве гражданских лиц будут переправлены в Европу. Короткий путь лежал через Архангельск, но он был занят британцами, которые могли использовать корпус в своих целях в России. Решили, что корпус выпустят через Владивосток. Он должен был быть частично разоружен (в эшелонах разрешалось иметь по винтовке на десять человек и один пулемет на сто для самообороны). Но legionеры оставили больше оружия, чем им было разрешено.

Движение корпуса шло медленно, большевики стремились сагитировать как можно больше чехов и словаков для службы в интернациональных отрядах красных. Но более успешной была пропаганда эсеров, поскольку кооперативное движение, где они доминировали, помогало кормить legionеров.

17 мая на станции в Челябинске произошли столкновения между красными венграми и солдатами чехословацкого корпуса. Столкновению способствовала национальная неприязнь, корни которой лежали в устройстве Австро-Венгрии, где Словакия входила в состав Венгрии. Ответственность за столкновение советские власти возложили на «чехословаков». Те в ответ захватили арсенал, чтобы лучше вооружиться. Местному совету пришлось освободить арестованных.

По свежим следам столкновения в Челябинске здесь собралось совещание представителей эшелонов и Национального совета. 20 мая было решено пробиваться на восток, даже если большевики попробуют остановить корпус.

Теперь большевистское руководство воспринимало вооруженных чехов и словаков как угрозу. Началась интервенция на Дальнем Востоке, так что теперь корпус и там мог быть использован для войны против красных. Было решено блокировать и полностью разоружить корпус. Чехи и словаки были готовы оказать сопротивление. 25-26 мая попытки блокировать и разоружать legionеров вызвали цепную реакцию восстания.

К «чехословакам» присоединились боевые дружины эсеров. Красные были отброшены до Казани. Удары по ним сопровождались расстрелами сотен коммунистов на местах (после

---

⁶² См.: Трукан Г. А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 27.

установления власти эсеров эта вспышка террора прекратилась). Но в целом планы эсеров были сорваны. Крестьяне Поволжья не успели достаточно вкусить продовольственной диктатуры. Это произойдет в 1919 г., и тогда более 100 тысяч крестьян Поволжья поднимутся против коммунистов. А в мае 1918 г. крестьяне были еще относительно равнодушны к вооруженной борьбе эсеров и коммунистов. Член ЦК ПСР Е. Тимофеев утверждал: «Выступление чехословаков, которое утвердило нашу власть, оно фактически ослабило развитие нашего удара, и выступление вышло скороспелым».⁶³

Сибирь и Урал перешли под власть по преимуществу эсеровского правительства, созданного Комитетом членов Учредительного собрания (Комуч). Первоначально сопротивление большевикам возглавили демократы, сражавшиеся под красным знаменем социализма. Но в ноябре 1918 г. они были свергнуты белым офицерством.

А в июне-августе 1918 г. чехословацкий корпус и тридцатитысячная «Народная армия» демократов продвигались к Москве. Положение Советской республики стало еще тяжелее, коммунистическая политика проявилась жестче, провоцируя все более решительное и массовое сопротивление. Цепная реакция насилия стала необратимой. Страна раскололась и вошла в длительный период Гражданской войны.

Итак, чехословацкий корпус действовал под давлением обстоятельств. Его лидеры симпатизировали противникам большевиков, но их действия не были согласованы. Чехословацкое руководство считало Антанту своим союзником, но пока не найдено доказательств, что восстание «братьев славян» управлялось из-за рубежа. Парадоксальным образом оно координировалось самими коммунистами. Бунт в Челябинске вызвал ужесточение мер к остальным эшелонам корпуса, и тогда восстание стало повсеместным. А пока Троцкий не начал нажим на чехов и словаков, они могли даже не знать, что случилось в Челябинске.

* * *

Если белые обвиняли большевиков в том, что те продались немцам, то большевики показывали, что за спиной белых стоит Антанта. Именно она и воспринималась как главный противник, поскольку свою революцию коммунисты воспринимали как часть мировой.

Считается, что большевики не дождались мировой революции. Но это не совсем верно. В 1917-1923 гг. полмира было охвачено волнениями и восстаниями: Индия, Китай, Египет, Корея, Россия, Германия, Италия, Венгрия... Просто большевики не считали большинство этих движений «своей» революцией. Они оказались в эпицентре мировой революции, которой не управляли. Тем не менее они направляли средства и оружие на поддержку революционеров от Германии до Ирана, не говоря о территории бывшей Российской империи.

Антанта тоже вела мировую борьбу, но не с большевиками. Было бы наивно считать, что лидеры Антанты уже в 1917 г. увидели в большевизме силу, которая к середине века создаст «социалистический лагерь», угрожающий Западной Европе и США. Нет, большевики воспринимались как досадный курьез, который вывел Россию из войны с Германией в самый неподходящий момент. Для Антанты было важно свести к минимуму издержки Брестского мира. А сделать это можно было по-разному: установив контроль над частью территории России, свергнув большевиков проантантовскими силами или договорившись с большевиками (как мы видели, Ленин с успехом использовал эти колебания западных представителей) Далеко идущей задачей было превращение России в зависимую страну, что-то вроде латиноамериканской модели. Может быть, Антанта была готова осуществить завоевание России ради этого? Увидим.

⁶³ Трукан Г. А. Указ. соч. С. 27.

Уже в марте англичане высадились в Мурманске чтобы не допустить захвата города немцами. В апреле под предлогом защиты своих граждан во Владивостоке высадились японцы, американцы, англичане и французы. Небольшой контингент прислал местный китайский губернатор. В августе войска Антанты высадились в Архангельске. При их поддержке было создано антибольшевистское правительство север России во главе с ветераном народнического движения Н. Чайковским. Но англичанам было удобнее иметь дело не с демократами, а с белыми, и вскоре Чайковский был свергнут. Высадившиеся в Баку англичане сверг ли большевистскую власть комиссаров, часть которых вскоре была расстреляна. Террор ведь был не только красным. Румыния захватила Бессарабию. Все логично – страна ослаблена междоусобицей, разразившейся по внутренним причинам, другие державы пытаются урвать свой кусок. Но это – не поход на Москву с целью искоренить большевизм.

У. Черчилль упомянул об участии 14 держав в походе против Советской России. Что это за державы? Германия, Австро-Венгрия и Турция воспользовались Брестским миром для того, чтобы оккупировать часть Российской империи, но после поражения в мировой войне пришлось эвакуировать свои войска, уступив место Антанте. Таким образом, они не приняли участие в «походе 14 держав». К уже перечисленным державам Антанты можно добавить их союзников, которые пытались урвать свой кусок территории империи.

В 1919 г. в черноморских портах высадились войска Франции и Греции. Небольшие контингенты в Россию послали Италия и Сербия. Продолжалась вялая война Советской России с новыми государствами, образовавшимися на территории бывшей Российской империи, – с Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой и Польшей.

Численность сил «14 держав» выглядит солидно. На Украине действовало около 80 тысяч интервентов, на Дальнем Востоке – более 100 тысяч. Однако это не значит, что все они вели против большевиков полномасштабную войну. Все эти силы не собирались идти на Москву и Петроград.

Каждый преследовал свои цели. Ведущие державы Антанты надеялись, что в России возникнет зависимое либеральное правительство, сопредельные государства от Румынии до Японии рассчитывали что-то отщипнуть в свою пользу от распадающейся Российской империи, новые государства отодвигали границу как можно дальше на восток, вступая в конфликт с другими претендентами на эти земли и с белым движением, которому помогала Антанта.

При этом новые страны вели сложную войну между собой и с белыми формированиями. Так, основная борьба в Латвии во второй половине 1919 г. развернулась между белой армией П. Бермондта, опиравшегося на поддержку немцев, и союзом латышей и эстонцев. Красная армия в это время действовала на окраинах Латвии. Литва воевала с Польшей, которая, в свою очередь, воевала также с Западной Украиной и немцами.

К числу интервентов иногда относят чехов и словаков. Но их корпус не был отправлен в Россию каким-то государством. Напротив, они стремились покинуть страну при первой возможности. Лидеры легиона сочувствовали социалистам, а не белым. В январе 1920 г. они даже арестовали Колчака.

Вообще после завершения Первой мировой войны никто не хотел умирать. Это наглядно подтвердил опыт действий интервентов на Украине в 1919 г.

Когда на Украину вошла Красная армия, один из петлюровских командиров, Н. Григорьев, в январе 1919 г. объявил себя сторонником советской власти. Бригада Григорьева быстро выросла до нескольких тысяч бойцов, которых вряд ли можно было считать первоклассными солдатами. 10 марта Григорьев ударил по французам, грекам и белогвардейцам, после чего победоносная армия Антанты спешно оставила Херсон. Затем интервенты потеряли Николаполь, Григорьев разбил их у Березовки и двинулся на Одессу. Антантовские солдаты совсем не желали проливать кровь на этой непонятной «войне после войны». В Париже шли дебаты о скорейшем возвращении контингента домой, и удары советских войск очень способствовали

победе партии мира. 8 апреля Григорьев с триумфом вошел в только что оставленную интервентами Одессу. Там ему достались огромные запасы снаряжения, часть которого он раздал крестьянам. Так что интервенция в некотором смысле даже пошла на пользу местному населению.

Большевистское командование планировало, что войска Григорьева нанесут удар по Румынии и затем соединятся с Красной армией Советской Венгрии. Таким образом удастся развернуть революцию в Западной Европе. Но в мае 1919 г. Григорьев восстал, не только похоронив надежды на спасение Советской Венгрии, но и серьезно осложнив положение на Украине.

В середине 1919 г. на окраинах России еще действовали новые национальные государства и Япония, а другие державы Антанты переключились с прямого вмешательства в российскую гражданскую войну на поддержку белых армий оружием и снаряжением. Зимой 1918-1919 гг. Колчак и Деникин получили 800-900 тысяч винтовок и более тысячи орудий.

Таким образом, реального похода 14 держав не было. Уже тогда Запад стремился «таскать каштаны из огня» чужими руками – в данном случае руками «русских патриотов» из белого воинства.

* * *

Белые считали себя патриотами, и им обидно было находиться на «содержании» Антанты. Поскольку теперь, после развала Германии, когда коммунисты развернули там гражданскую войну, было трудно называть Ленина немецким шпионом, главной угрозой стал еврейский заговор и интернациональные отряды. Об отношении Белого движения к евреям мы поговорим ниже. Что касается интернациональных отрядов, которые создавались большевиками, то они сыграли в событиях заметную роль, которая также окутана мифами. Сначала в советском мифе они стали героями без страха и упрека, теперь в антисоветском – ландскнехтами, безжалостными карателями русского крестьянства. Как всегда, миф вырывает из реальности только то, что подходит под схему.

Были интернационалисты опорой режима, карали ли они крестьян? Конечно. Часто они даже не знали русского языка, крестьянский мир был им чужд, а идеи мировой революции – понятны, так как придавали их действиям, даже крайне жестоким, смысл и оправдание.

Мотивы участия в войне были разными. Для одних людей, овладевших военным ремеслом, это был просто способ устроиться в обстановке военной смуты. Но для большинства участников интернациональных частей, остававшихся в них до конца Гражданской войны, важнейшим стимулом была приверженность коммунистической идее. Те, кому смысл борьбы был чужд, могли отсеиваться.

Так, например, когда в 1919 г. знаменитые латышские стрелки вошли в Ригу, большинство личного состава Латышской дивизии решило, что война закончена, и разошлись по хуторам. Некоторые потом служили в национальной армии Латвии. Зато те, кто потом отступил в Советскую Россию, были искренне привержены коммунистическим идеям.

Всего в разное время в Красной армии воевало до 300 тысяч интернационалистов, из которых около трети составляли поляки (то есть в большинстве своем бывшие подданные Российской империи), около 80 тысяч – венгры и около 10 тысяч – чехи и словаки. Заметную роль играли также немцы, латыши и китайцы. Но даже среди тыловых частей советской власти интернационалисты не составляли большинство. Тем более не были они решающей силой на фронте. Они были символом мировой революции и в перспективе должны были стать ее авангардом в своих странах. Поскольку с мировой революцией пришлось подождать, командиры интернационалистов могли продолжить служить этому же делу в Коминтерне и в советской

стране, которую воспринимали как отечество всех трудящихся. В итоге многие интернационалисты стали частью многонационального советского народа.

Коммунистические фанатики или защитники интересов рабочих и крестьян?

Ради чего лилась кровь на просторах России? Ради интересов рабочего класса и крестьянства? Про интересы крестьян даже говорить как-то неудобно. Землю им дали, а урожай отобрали. Но и «государство рабочих» – больше идеологический штамп, чем реальность. Советский миф объяснял отклонения от проекта сопротивлением враждебных классов (сюда, правда, попадает большинство населения, ради которого вроде бы все и предпринималось). К тому же классики марксизма как раз и строили свой проект с учетом этого сопротивления. Для того и «диктатура пролетариата», чтобы подавить сопротивление враждебных классов. Так что нечего на врагов пенять, если у коммунистов получилось не то, на что они рассчитывали.

А что получилось-то? Если лень искать сложных объяснений феномена большевистского государства, есть простое – коммунисты были фанатиками утопии, и ради своей схемы готовы были убивать, убивать и убивать. Ну, еще мучить. Таковы уж утописты. Правда, другие идеи на отечественной почве оказались еще менее реальными. Все силы в Гражданской войне, как ни странно, возглавлялись утопистами. Ни у кого не вышло то, что было задумано. В реальной истории так почти всегда и случается.

Устойчивый штамп: коммунисты создали государство советов, власть рабочих (и в какой-то степени крестьян). Даже обличители коммунистов иногда попадают в тенета этого мифа: вот, дорвались «пролы» до власти, смотрите, что получилось. И советы – вредная идея, тоталитарная.

Насколько действия большевиков во время войны определялись ситуацией, а насколько – коммунистическими идеями? От ответа на этот вопрос зависит, какой из мифов ближе к реальности. Но можно посмотреть на вопрос с другой стороны – ситуация могла диктовать меры, которые соответствовали марксистским идеям.

Стремясь как можно скорее воплотить в жизнь марксистский проект централизованной экономики, работающей по единому плану, коммунисты усугубляли социальный кризис. Это толкало все новые массы к вооруженному сопротивлению политике большевиков. Но в обстановке развернувшейся Гражданской войны как раз большевистские меры тотальной мобилизации сил оказались наиболее действенными.

Большевики решали две задачи: создавали основы нового общества, как казалось – принципиально отличного от капитализма, ликвидирующего эксплуатацию человека человеком, и концентрировали в своих руках все ресурсы, необходимые для ведения войны. Представления большевиков о коммунизме совпали с задачами организации военной экономики. Уже во время Первой мировой войны в воюющих странах резко усилилась роль государства, возник «военный социализм».

Летом 1918 г. Советская республика оказалась в еще более критическом состоянии, и ее руководители пошли дальше, организовав «военный коммунизм» – полное огосударствление снабжения города за счет нужд деревни. Советская республика превратилась в «единый военный лагерь». Все предприятия переводились на военное положение. Большевистские руководители требовали беспрекословного подчинения и угрожали несогласным немедленным расстрелом. Рыночные отношения купли-продажи, свободного товарообмена заменялись распределением продуктов с помощью государственных органов. Продовольствие изымалось у крестьян за символическую компенсацию, а затем и без нее, по нормам «продразверстки».

Система в итоге получилась настолько несовершенной, что в СССР официальной стала точка зрения о вынужденном характере «военного коммунизма». Мол, если бы не враги, не

Гражданская война, никто бы не стал ликвидировать товарно-денежные отношения. В качестве доказательства приводится работа Ленина «Очередные задачи советской власти», написанная в апреле 1918 г. План действий, изложенный в ней Лениным, выдается за прообраз политики НЭПа, умеренной и прагматичной. Но текст «Очередных задач...» не дает основания для таких выводов. Ленин еще до начала Гражданской войны планировал прямой переход к нетоварному обществу, организованному как единая система производства и распределения продуктов, работающая по общему плану: на повестке дня стоит «созидательная работа налаживания чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей». ⁶⁴ Планомерность, по Ленину, – это никак не рыночные отношения. Ленин после «красногвардейской атаки на капитал» планирует упорядочить лишение капиталистов собственности: «в войне против капитала движения вперед остановить нельзя... продолжать наступление на этого врага трудящихся безусловно необходимо» ⁶⁵ – начинается национализация целых отраслей.

На национализированных предприятиях уже вводятся по настоянию Ленина так называемые «Брянские правила» распорядка, устанавливающие режим беспрекословного подчинения начальству. Ленин требовал от рабочих и служащих: «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде...» ⁶⁶ Если рабочий не захочет с энтузиазмом работать на нового хозяина – государство – партию, – то он уже не рабочий, а хулиган – в такой же степени враг, как и эксплуататор: «Диктатура есть железная власть, революционно-смелая и быстрая, беспощадная в подавлении как эксплуататоров, так и хулиганов». ⁶⁷ Чтобы не было сомнений в том, как надо их подавлять, Ленин пишет о «поимке и расстреле взяточников и жуликов и т. д.». ⁶⁸

Огромным государственным хозяйством кто-то должен управлять. Саботаж служащих стихает, а бюрократия растет как на дрожжах. Но, по мнению Ленина, «русский человек – плохой работник по сравнению с передовыми нациями». Научить его работать может «последнее слово капитализма в этом отношении, система Тэйлора...» (конвейерная система, доводящая до максимума отчуждение человека в процессе производства). «Советская республика во что бы то ни стало должна перенять все ценное из завоеваний науки и техники в этой области». ⁶⁹ Рабочий должен был стать послушным инструментом в руках управленца. Рыночная стихийность и спонтанность должны были смениться порядком и управлением в единой государственной экономике, действующей как идеальная фабрика.

Эта стратегия была логичным результатом анализа тенденций индустриальной эпохи, которые превращали человека в придаток машины. Здесь меньше утопии, чем, например, в уверенности либерала в существовании народовластия в странах Запада.

Индустриализм вообще неважно сочетается с народовластием, с участием рядовых людей в принятии политических решений. Индустриальной машине нужен идеальный исполнитель, человеческая деталь, а не существо, любящее порассуждать, отстаивать свое мнение. Начав воплощать в жизнь свой идеал централизованного коммунизма, лидеры большевизма неизбежно входили в конфликт с той народной стихией, которая привела их к власти. И это тоже стало одной из важнейших причин грандиозных масштабов Гражданской войны.

⁶⁴ Ленин В. И. ПСС.Т. 36.С. 171.

⁶⁵ Там же. С. 176.

⁶⁶ Там же. С. 174.

⁶⁷ Там же. С. 196.

⁶⁸ Там же. С. 182.

⁶⁹ Там же. С. 189-190.

Насколько «военный коммунизм» соответствовал проекту коммунизма? Коммунизм – общество, в котором все люди свободно трудятся на благо всех, имеют равные возможности, безвозмездно обмениваются продуктами своего труда. Теоретически должно существовать изобилие продуктов, но некоторые коммунистические теории (например, концепция П. Кропоткина) предусматривали, что продукты, имеющиеся в недостатке, распределяются поровну. При коммунизме не существует эксплуатации человека человеком. Теоретически коммунизм мог возникнуть только на высокой стадии экономического развития, превышающей достижения капитализма. В то же время первая стадия коммунизма – социализм – должна была стать результатом социальной революции, разрушающей капитализм. Революция разрушает не только общественный строй, она также приводит и к экономическому упадку, что отдаляет возможность построения коммунизма. Это важное противоречие не было убедительно решено теоретиками социализма вплоть до начала революции 1917 г.

Большевики предприняли радикальные меры по созданию коммунистических отношений в России – стране, экономическое развитие которой отставало от уровня ведущих капиталистических стран, которая находилась в состоянии революции и жесточайшей Гражданской войны, распада общественных и экономических связей. В результате создаваемое большевиками общество имело мало общего с социализмом, о котором писали мыслители XIX века, включая Маркса и Энгельса. Но все же политика Ленина имела некоторые общие черты с социалистической идеей Маркса – стремление к ликвидации рыночных отношений, к прямому управлению всем производством и распределением из единого центра и по единому плану.⁷⁰ Эта стратегия не была чисто утопической – она соответствовала общемировой тенденции возникновения огосударственного индустриального общества.⁷¹

* * *

Рабочие были недовольны отменой демократии, урезанием норм питания. Многие пролетарии считали, что в их бедствиях виноваты большевики.

Рабочие нескольких крупных предприятий Петрограда выступили против разгона Учредительного собрания, предлагали продолжить его заседания в здании завода.

12-14 мая 1918 г. произошли серьезные рабочие волнения в окрестностях Петрограда, в Колпино. По официальной версии волнения начались из-за опоздания с доставкой хлеба. Не доверяли рабочие «своему» государству. «Группа женщин дала тревожные гудки и пыталась созвать общегородской митинг». Большевики опасались цепной реакции, которая могла вызвать волнения уже в Петрограде. «Красная армия выстрелами в воздух воспрепятствовала созыву митинга». Но рабочих это не остановило, в столкновениях были ранены трое рабочих и один убит. Были также ранены трое красноармейцев. Похороны убитого рабочего Потемкина превратились в многотысячную демонстрацию, Ижорский завод, на котором он работал, встал.⁷²

Во второй половине июня забастовочное движение во главе с заводскими активистами, «уполномоченными», охватило десятки городов. Рабочие демонстрации разгонялись, а лидеры арестовывались, как при царе. В ответ на подавление ненасильственного рабочего движения часть рабочих взялась за оружие. В августе 1918 г. под руководством меньшевиков и эсеров началось восстание рабочих в Ижевске. В первые дни были убиты наиболее ненавистные

⁷⁰ Эти идеи характерны далеко не для всех социалистических учений. См.: Шубин А. В. Прудон и Маркс. Взгляд из XXI в. // Историческая наука на рубеже веков. М., 2001.

⁷¹ Об этой тенденции подробнее см.: Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929-1941. М., 2004. С. 75-78.

⁷² «Газета – Копейка», 15.5.1918.

большевики, но затем контроль над событиями установил Ижевский совет, который запретил смертную казнь и передал власть Комучу. Но большевикам удалось блокировать район рабочего восстания, и повстанцы прорвались из окружения только через несколько месяцев. Выступления рабочих против большевиков происходили и позднее (например, в Астрахани в 1919 г., в Петрограде и Екатеринославе в 1921 г.).

Крестьяне с удовольствием давали бы рабочим хлеб, если бы те предоставляли им в обмен промышленные товары. Попытку такого прямого, в обход власти, товарообмена предприняли в январе-марте 1918 г. махновцы. Большевикам такая практика не устраивала. Во-первых, в таком случае они теряли контроль над экономикой. Во-вторых, промышленность уже не могла полнокровно обеспечить интересы крестьян. И без того обессиленная войной, она была окончательно развалена национализацией. Рывок к коммунизму был экономически неэффективен, и крестьянину нельзя было доказать, что он должен просто так содержать миллионы «дармоедов».

Заставить людей выполнять заведомо невыгодные указания правительственных учреждений можно было только силой. О демократии советов можно было теперь только мечтать как о светлом будущем. Советам были оставлены отдельные распорядительные функции, да и выборы в них проводились под бдительным контролем репрессивных органов. Так что Советская республика была отныне Республикой советов чисто формально. Даже «Правда» вынуждена была заметить, что лозунг «вся власть Советам» сменяется лозунгом «вся власть чрезвычайкам»,⁷³ т. е. карательным органам ЧК. Редактор «Известий» Ю. Стеклов признавал среди своих: «Никогда, даже в злейшие времена царского режима, не было такого бесправия на Руси, которое господствует в коммунистической Советской России, такого забитого положения масс не было. Основное зло заключается в том, что никто из нас не знает, чего можно и чего нельзя. Сплошь и рядом совершающие беззакония затем заявляют, что они думали, что это можно. Террор господствует, мы держимся только террором».⁷⁴ Чего же удивляться – в стране диктатура, а диктатура, по Ленину, – это власть, опирающаяся не на закон, а на насилие. В том числе – и насилие над рабочим классом.

* * *

В условиях, когда промышленность была разрушена и работали только предприятия, ремонтировавшие транспорт и вооружение, главным ресурсом была продукция сельского хозяйства, продовольствие. Необходимо было накормить бюрократию, рабочих и военных. Большевицкая власть опиралась на наиболее обездоленные слои населения, а также на массу красноармейцев, партийных активистов и новых чиновников. Преимущества при распределении продовольствия должны были получать именно они. Торговля была запрещена, вводилась система «пайков», при которой каждый человек мог получать продовольствие только от государства. Эта система создавала абсолютную зависимость человека от государственной власти. Для многих людей это было спасением от голода.

Но львиная доля продовольствия доставалась армии. Советская республика не считалась с затратами для победы. В этом – генетический исток ее милитаризованности на протяжении многих десятилетий.

Армия потребляла 60 % рыбы и мяса, 40 % хлеба, 100 % табака.⁷⁵ Неудивительно, что голодали рабочие и крестьяне. Продовольственная политика большевиков не была их выдумкой. Они просто довели до логического конца меры царского и Временного правительств,

⁷³ «Правда», 18.10.1918.

⁷⁴ Цит. по: Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 104.

⁷⁵ Какурин Н.Е. Как сражалась революция. М., 1991. Т. 2. С. 21-22.

пытаясь с помощью репрессий заставить крестьян выполнять государственный план заготовок. В январе 1919 г. был введен колоссальный продовольственный налог – продразверстка. Важнейшей уязвимой стороной коммунистической продовольственной политики было равнодушие к интересам крестьянства, неумение заинтересовать его в выращивании хлеба и поставках его в города. Коммунисты исходили из потребностей армии и своего аппарата, а крестьяне и остальные жители должны были выкручиваться как смогут.

Насколько результативны были продовольственные меры, составившие ядро политики «военного коммунизма»? За первый год продовольственной диктатуры (до июня 1919 г.) было собрано 44,6 млн. пудов хлеба, а за второй год (до июня 1920 г.) – 113,9 млн. пудов. Но только за ноябрь 1917 г. еще не разгромленный продовольственный аппарат Временного правительства собрал 33,7 млн. пудов⁷⁶ – без расстрелов и гражданской войны в деревне.

Куда шло это продовольствие? Значительная его часть просто сгнивала: «Из Симбирской, Самарской и Саратовской губернских организаций, закупающих ненормированные продукты, везут мерзлый картофель и всякие овощи. В то же время станции Самаро-Златоустовской и Волго-Бугульминской железных дорог завалены хлебом в количестве свыше 10 млн. пудов, которые за отсутствием паровозов и вагонов продорганам не удастся вывезти в потребляющие районы и которые начинают уже портиться».⁷⁷

Там, где крестьянам удавалось обмануть продразверстку, они пытались выменять хлеб на какие-нибудь промтовары у горожан, в том числе и рабочих. Таких «мешочников», заполонивших железные дороги, останавливали и репрессировали заградительные отряды, призванные пресечь неподконтрольный государству продуктообмен. Хлеб не должен уходить в города помимо государства, помимо «львиной доли», принадлежащей армии и бюрократии. Для полного сходства с дофеодальными обществами большевики установили внеэкономическое принуждение к труду. И в дополнение ко всему этому – всепроникающая террористическая сила чрезвычайных комиссий. Такова была картина дороги, которая, как казалось ее вождям, вела к коммунизму.

Попытка «прорыва в будущее» с помощью грубого насилия и тотальной централизации обернулась провалом в прошлое. Вместо посткапиталистического общества получилось дофеодальное – доиндустриальная деспотия, в которой корпорация поработителей собирала дань с крестьян, убивая сопротивляющихся.

Пока шла война, Ленин не обращал внимания на этот парадокс. Его вдохновляло разрушение капитализма, будоражил драматизм военной борьбы. Тем временем разрушение капитализма оборачивалось разрушением индустриальных отношений, без которых модернизация полуаграрной страны невозможна. А какой коммунизм без современной технологии?

Коммунистический идеал «висел в воздухе», не опираясь на устойчивую производственную базу. Только по окончании Гражданской войны Ленин с ужасом осознает, насколько далеко большевики оказались от социализма после рывка в сторону коммунизма.

«Военный коммунизм» кажется вынужденной политикой по двум причинам. Во-первых, его начали строить весной 1918 г. Это стало одной из причин начала Гражданской войны. Но, совпав с ней по времени, «военный коммунизм» выглядел как ее следствие. Во-вторых, во время войны командные методы кажутся естественными и эффективными, даже если в действительности ухудшают ситуацию. Когда война с белыми кончилась, выяснилось, что население и без всяких белых выступает против политики большевиков – в 1921 г. повстанческие движения разрастались. Ленину и его соратникам хватило прагматизма, чтобы скорректировать свою политику, пойти на уступки населению. В этих условиях «военный коммунизм» был объявлен временным курсом, вызванным Гражданской войной.

⁷⁶ Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 366.

⁷⁷ «Правда», 1.3.1919.

Однако обстановка «военного коммунизма» порождала не только разочарование, но и романтические надежды, которые продолжали питать культуру советского общества вплоть до самой Перестройки. Даже гуру шестидесятников Б. Окуджава грезил «о той единственной Гражданской». Какой бы ужасной ни была реальность того времени, в памяти народа остались и надежды на справедливое мироустройство, ощущение свершений, альтруистичная готовность жертвовать комфортом ради идей. Это тоже был миф, но он был не ложью, а частью реальности. Гражданская война стала временем невиданных возможностей и опасностей. Одни люди пытались осуществить свои идеалы, другие, пользуясь высокой вертикальной мобильностью, делали карьеру, осваивали командование фронтами и отраслями, третьи – несли возбужденным массам новое искусство, четвертые – пользовались мандатом, чтобы осуществлять свои низменные, в том числе садистские, наклонности, пытали, убивали и грабили, пятые – прятали свой скarb и молились, чтобы пережить лихолетье. Последних жалко, но без первых общество не может развиваться, обречено на вечное прозябание в социальном болоте, где господствуют карьеристы, бандиты и мещане. Но уже без правдолюбцев, творцов и идеалистов.

Пирь коммунистов

Современный российский телезритель живет в сюрреалистическом мире, где сосуществуют прямо противоположные сказания о прошлом. По одному каналу идет старьй советский фильм о рабочем – революционере Максиме, который успешно руководит Национальным банком (на самом деле комиссаром в банке был Н. Осинский, будущий оппозиционер). Ладно, нам еще во время Перестройки объяснили, что сталинский кинематограф – это сказки. Тогда все-таки была суровая цензура. А сейчас ее нет. Вот-вот выйдут честные фильмы о том времени. Лет двадцать ждем – не дождемся. Уровень киноискусства (в его современной телевизионной оболочке) откатился к тем же 30-м годам. Что ни исторический сюжет – то агитка.

Не со всяким сюжетом легко совладать бойцам современного агитпропа. Вот замахнулись они на Бориса на нашего, на Пастернака. Роман «Доктор Живаго» решили экранизировать. Больших теленаачальников нетрудно было убедить, что роман стоящий – за него же в СССР преследовали автора! Но прочитали – прослезились. Пастернак описал то, что видел. А снять нужно антисоветскую агитку. Пришлось переписывать за Пастернака сюжет, заменяя реальные человеческие отношения вымороченными, курочить сюжет под идеологическую схему. Чтобы злые коммунисты довели до смерти принципиального доктора (кто читал Пастернака, помнят, что там – совсем другой образ и прямо противоположные обстоятельства жизненного финала Живаго). И чтобы мы поняли – революция делается не ради принципов, а ради шкурных интересов революционеров. Тут выделяются две центральные сцены. Во-первых – встреча Живаго с революционером Стрельниковым, который в голодном краю жрет фрукты с сыром (эта деталь выдумана за Пастернака). Во-вторых, картина роскошества номенклатурных спецраспределителей во время «военного коммунизма». Б. Пастернак ничего подобного не писал и в отличие от нынешних телещелкоперов осветил эту тему честно: «Юрий Андреевич разыскал спасенного однажды партийца, жертву ограбления. Тот делал, что мог для доктора. Однако началась гражданская война. Его покровитель все время был в разъездах. Кроме того, в согласии со своими убеждениями этот человек считал тогдашние трудности естественными и скрывал, что сам голодает».

Конечно, во время Гражданской войны были шкурники, совершались злоупотребления. Но нынешних мифотворцев не смущает, что Пастернак не счел возможным рисовать с помощью таких красок портрет революционера. Писатель помнил, что для времен Гражданской войны было типично, а что – даже обывателями воспринималось как исключение. Роскошествующий революционер – исключение. Голодающий – типично.

То, что советские бюрократические привилегии возникли при Сталине, – старьй советский миф. Все началось при Ленине. В снабжении руководящих работников коммунисты, хоть пока и незначительно, отступали от принципов социального равноправия. Побеждали обычные законы социальной иерархии, порождающие привилегии в любом централизованном обществе. Какова была вершина «номенклатурных привилегий» во время «военного коммунизма»? На обед в столовой ВЦИК в 1920 г. можно было получить на выбор: 100 грамм мяса, или дичи, или рыбы, или сто пятьдесят грамм селетки. Можно было отказаться от этого роскошества, и тогда съесть около 75 грамм каши, или макарон, или риса. А можно было отказаться от вышеперечисленного и шикануть – съесть аж двести грамм картошки. Еще можно было добавить около 30 грамм гарнира и 8 грамм масла. Отказавшись от масла, можно было претендовать на

соль. Хлеба полагалось сто грамм. В «суперэлитной» столовой СНК эти нормы были выше в 2-3 раза.⁷⁸ Тоже не густо-уровень жизни обычного советского человека 70-х гг.

Так что сюжеты теле – и киноподелок вроде «Доктора Живаго» не правдивее агиток сталинского времени. И когда на основании, в общем, скромных советских привилегий пытаются оправдать нынешнее социальное расслоение (мол, посмотрите, что было при коммунистах), уместно говорить уже не о мифе, а о промывании мозгов соляной кислотой. Советское государство стремилось обеспечить номенклатурным работникам уровень жизни западного среднего класса даже во время народных бедствий. Это достойно порицания, это нарушает официально провозглашенные коммунистами нормы социальной справедливости, но это несопоставимо с разгулом нынешних хозяев жизни на курортах Куршевеля и в подмосковных поместьях.

---

⁷⁸ См.: Неизвестная Россия. Век XX. Т. 2. М., 1992. С. 265-267.

«Чистые руки, горячее сердце, холодная голова»

Эта формула, изреченная основателем ЧК Дзержинским, определяла, каким должен быть настоящий чекист. В советское время официальный миф утверждал, что такими чекисты и были чуть ли не поголовно. Соответственно красный террор изображался как вынужденное уничтожение непримиримых врагов советской власти, выявленных путем скрупулезного сбора доказательств. Картина, мягко говоря, – не соответствовала реальности. А раз так – получите новый миф: коммунисты как пришли к власти, так и принялись методически уничтожать «генофонд нации».

Красный террор стал наиболее мрачным явлением начального этапа советской истории и одним из несмываемых пятен на репутации коммунистов. Получается, вся история коммунистического режима сплошной террор, сначала ленинский, потом сталинский. В реальности вспышки террора чередовались с затишьями, когда власть обходилась репрессиями, характерными для обычного авторитарного общества.

Октябрьская революция проходила под лозунгом отмены смертной казни. Постановление Второго съезда советов гласило: «Восстановленная Керенским смертная казнь на фронте отменяется». Смертная казнь на остальной территории России была отменена еще Временным правительством. Страшное слово «Революционный трибунал» поначалу прикрывало довольно мягкое отношение к «врагам народа». Кадетке С. В. Паниной, спрятавшей от большевиков средства Министерства просвещения, Ревтрибунал 10 декабря 1917 г. вынес общественное порицание.

Во вкус репрессивной политики большевизм входил постепенно. Несмотря на формальное отсутствие смертной казни, убийства заключенных иногда осуществлялись ВЧК во время «очистки» городов от уголовников.

Более широкое применение казней и тем более проведение их по политическим делам было невозможно как из-за преобладающих демократических настроений, так и из-за присутствия в правительстве левых эсеров – принципиальных противников смертной казни. Нарком юстиции от партии левых эсеров И. Штернберг препятствовал не только казням, но даже арестам по политическим мотивам. Поскольку левые эсеры активно работали в ВЧК, развернуть правительственный террор в это время было трудно. Впрочем, работа в карательных органах влияла на психологию эсеров-чекистов, которые становились все более терпимыми к репрессиям.

Ситуация стала меняться после ухода из правительства левых эсеров и особенно – после начала широкомасштабной Гражданской войны в мае-июне 1918 г. Ленин разъяснял своим товарищам, что в условиях Гражданской войны отсутствие смертной казни немыслимо. Ведь сторонники противоборствующих сторон не боятся тюремного заключения на любой срок, так как уверены в победе своего движения и освобождении их из тюрьмы.

Первой публичной жертвой политической казни стал А. М. Щастный. Он командовал Балтийским флотом в начале 1918 г. и в сложной ледовой обстановке вывел флот из Гельсингфорса в Кронштадт. Тем самым он спас флот от захвата немцами. Популярность Щастного выросла, большевистское руководство заподозрило его в националистических, антисоветских и бонапартистских настроениях. Наркомвоен Троцкий опасался, что командующий флотом может выступить против советской власти, хотя определенных доказательств подготовки государственного переворота не было. Щастный был арестован и после процесса в Верховном революционном трибунале расстрелян 21 июня 1918 г. Смерть Щастного породила легенду о том, что большевики выполняли заказ Германии, мстившей Щастному, который увел Балтийский флот у немцев из-под носа. Но тогда коммунистам нужно было бы не Щастного убивать, а

просто отдать немцам корабли – чего Ленин, разумеется, не сделал. Просто большевики стремились устранять кандидатов в Наполеоны до того, как те подготовят 18-е брюмера. Доказательства вины их интересовали в последнюю очередь.

* * *

Переход коммунистов к массовому террору связывают с покушением на Ленина. Это неточно. С началом Гражданской войны террор уже стал применяться в прифронтовой зоне при активной поддержке Ленина. «В Нижнем явно готовится белогвардейское восстание. Надо напрячь все силы, составить тройку диктаторов, навести тотчас массовый террор, расстрелять и вывезти сотни проституток, спаивающих солдат, бывших офицеров и т. п.»,⁷⁹ – телеграфировал Ленин 9 августа. В тот же день он отправил телеграмму и в Пензу: «Провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». ⁸⁰22 августа председатель Совнаркома приказывает «расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты». ⁸¹

В обострившейся обстановке июня – августа 1918 г. противники большевиков также прибегают к террористическим методам борьбы. 20 июня неизвестным был убит нарком пропаганды В. Володарский. Убийцу найти не смогли. Уже тогда Ленин выступил за развязывание массового террора: «Тов. Зиновьев! Только сегодня мы узнали в ЦК, что в Питере рабочие хотят ответить на убийство Володарского массовым террором и что вы их удержали. Протестую решительно!.. Надо поощрять энергию и массовидность террора». ⁸²30 августа юный сторонник эсеров Л. Каннегисер убил руководителя Петроградского ЧК М. Урицкого. В тот же день на митинге был ранен Ленин. Виновной в покушении была объявлена сторонница эсеров Ф. Каплан. Впрочем, конкретные виновники в тот момент были не так важны – за трех большевиков должны были ответить целые классы.

В ответ на эти покушения ВЦИК советов принял резолюцию, в которой говорилось: «ВЦИК дает торжественное предостережение всем холопам российской и союзнической буржуазии, предупреждая их, что за каждое покушение на деятелей Советской власти и носителей идей социалистической революции будут отвечать все контрреволюционеры... На белый террор врагов рабоче-крестьянской власти рабочие и крестьяне ответят массовым красным террором против буржуазии и ее агентов». Это означало введение заложничества, когда за действия одних людей должны отвечать совершенно другие. 5 сентября было принято постановление ВЦИК о красном терроре.

Оно заложило основы репрессивной политики коммунистического режима: создание концлагерей для изолирования «классовых врагов», уничтожение всех оппозиционеров, «причастных к заговорам и мятежам». ЧК наделялась внесудебными полномочиями брать заложников, выносить приговоры и приводить их в исполнение.

В этот день было объявлено о расстреле 29 «контрреволюционеров», которые были заведомо непричастны к покушениям на Ленина и Урицкого, в том числе бывшего министра внутренних дел Российской империи А. Хвостова, бывшего министра юстиции И. Щегловитова и др. В первый же месяц террора были казнены тысячи людей, большинство из которых было виновато лишь в принадлежности к «контрреволюционным» классам и общественным течениям, – предприниматели, помещики, священники, офицеры, члены партии кадетов. Филосо-

---

⁷⁹ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 142.

⁸⁰ Ленин В.И. ПСС. Т. 50. С. 142.

⁸¹ Там же. С. 106.

⁸² Там же. С. 165.

фию красного террора выразил один из руководителей ЧК М. Лацис: «Не ищите в деле обвинительных улик; восстал ли он (обвиняемый – А. III.) против совета с оружием или на словах. Первым долгом вы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого».⁸³ Но «инициатива с мест» не встречала поддержки в Кремле. Ленин пожурил Лациса за эти слова.

ЧК арестовывала, она же вела следствие, она же судила, и казнила она же. Произвол был абсолютный, возможности для злоупотребления – практически безграничными. Красный террор в реальности не был классовым. Удары наносились по недовольным рабочим, крестьянам, интеллигенции. Впрочем, мифического уничтожения «генофонда нации», ее «лучших людей» тоже не было. Красный террор не отличался систематичностью – под удар мог попасть и поэт Гумилев, причастный к конспирациям против коммунистов, и крестьянин, спрятавший хлебный запас на зиму. Но коммунисты в это время не отличались большой мстительностью, в чем мы убедимся ниже на примере биографии повстанческого лидера А. Долинина. Большинство известных литераторов Серебряного века тоже пережили это «уничтожение генофонда».

Модные теперь рассуждения об утраченном «генофонде» являются отголоском расистских идей, распространенных в первой половине века, пока не стала очевидна их близость нацистской идеологии. Белая эмиграция бережно сохранила миф о «генофонде», который в СССР испортился и сохранился разве что в эмигрантском запаснике. Можно подумать, что люди – это породистые собаки, у которых культурный потенциал передается с генами. У дворян – все сплошь гении и таланты в роду, а у беспородных крестьян – тупой и еще тупее.

* * *

В надежде посеять ужас в рядах врагов, разрушить складывающиеся заговоры, не тратя времени на расследование, большевистские вожди запустили машину террора, которая уже действовала по инерции, иногда – в соответствии со «шкурными» интересами рядовых чекистов. Впрочем, шкурные интересы были скромны, так как на каждого злоупотребляющего чекиста могла найтись проверка из центра или вооруженный классовым чутьем и наганом товарищ по работе. Идейные коммунисты нередко возмущались эксцессами террора и пытались ограничить его разгул. В марте 1919 г. был проведен процесс над сотрудниками Всеукраинской ЧК, обвиненными во взяточничестве, коррупции и вымогательстве. Обвиняемые были приговорены к смертной казни.

Впрочем, по свидетельству старого большевика Д. Гопнера, эти меры не могли улучшить ситуацию, так как наказаны были «стрелочники», которые работали в учреждении, где «все насквозь пропитано уголовщиной, хулиганством, полнейшим произволом и безответственностью опытных негодяев».⁸⁴ Гопнер докладывал Ленину и своему непосредственному начальнику Чичерину о многочисленных арестах без предъявления обвинений, о неподчинении ЧК советскому правительству Украины, подбрасывании улик и вымогательстве. Один из персонажей, которые попали в докладную Д. Гопнера, – руководитель Екатеринославской ЧК Валявко (Валявка), «человек упрямый, тупой и жестокий. Вспыльчивый, самонадеянный, лишенный спокойствия, он никогда не слушает собеседников, а только говорит или, вернее, кричит. Имея самое элементарное политическое развитие, он неразборчив, опьянен своим всемогуществом и лишь жаждет „уничтожения“».⁸⁵ Критика Гопнера не возымела действия, и в условиях обострения военной обстановки вокруг Екатеринослава в мае 1919 г. он устроил бойню в подвалах

⁸³ Цит. по: Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР. Кн. 1. М., 1986. С. 224-225.

⁸⁴ Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., 1996. С. 80.

⁸⁵ Там же. С. 81.

ЧК: «Ночами Валявка непрерывно и торопливо расстреливал содержавшихся в ЧК. Выпуская человек по 10-16 в небольшой, специальным забором огороженный двор, Валявка с 2-3 товарищами выходил на середину двора и открывал стрельбу по этим совершенно беззащитным людям. Крики их разносились в тихие майские ночи, а частые револьверные выстрелы умолкали только к рассвету... Страшной тайной остались сотни имен тех людей, которых озверевший Валявка отправил на тот свет».⁸⁶

Лацис и Валявка – примеры чекистов, далеких от идеализированного образа чекиста с «чистыми руками, горячим сердцем, холодной головой». Для грязной работы приходилось привлекать кого придется (ситуация у белых была не лучше). Но противостояние полууголовной чекистской низовки и более интеллектуальных большевистских кадров все же сдерживало безудержность террора. Тот же Валявка получил возможность предаться «уничтожению» только после того, как Екатеринославу стали угрожать деникинцы и григорьевцы.

Террор развивался неровно, вспышками. Поэтому неубедительны попытки подсчитать количество жертв на основании отдельных примеров, умноженных на количество местных чрезвычайок и дней их работы.⁸⁷ Каждая ЧК работала со своей интенсивностью.

Занимая города, белые начинали методичный учет жертв красного террора, тщательно описывали наиболее яркие примеры. «В Харькове специализировались на скальпировании и „снятии перчаток“»,⁸⁸ – повествует А. Деникин о зверствах ЧК. Но когда белые отступили, красным было чем ответить. Вот только одно свидетельство: «Настроение населения Украины в большинстве на стороне Советской власти. Возмутительные действия деникинцев... изменили население в сторону Советской власти лучше всякой агитации. Так, например, в Екатеринославе, помимо массы расстрелов и грабежей и пр., выделяется следующий случай: бедная семья, у которой в рядах армии сын-коммунист, подвергается деникинцами ограблению, избиванию, а затем ужасному наказанию. Отрубают руки и ноги, и вот даже у грудного ребенка были отрублены руки и ноги. Эта беспомощная семья, эти пять кусков живого мяса, не могущие без посторонней помощи передвинуться и даже поесть, принимаются на социальное обеспечение республики».⁸⁹ Изошренная рубка пленных «в капусту» (постепенная, мелкими кусками) – фирменная казнь-пытка, применявшаяся белыми, особенно казаками.

Зверства творили солдаты всех сил Гражданской войны. Совокупное количество жертв и красного, и белого, и повстанческого террора приближается к миллиону человек, но дать более точные оценки вряд ли возможно, так как полного учета казненных никто не вел.

⁸⁶ Архив русской революции. Т. 12. С. 80-90.

⁸⁷ См., например: Мельгунов С. П. Красный террор в России. М, 1990.

⁸⁸ Деникин А. И. Очерки русской смуты: вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. Минск, 2002. С. 325.

⁸⁹ Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. С. 106.

Чернознаменные бандиты

Государственные зверства красных и белых сопровождалось стихийным разгулом грабежей и убийств «человека с ружьем» и наганом.

Обычно «пальму первенства» здесь отдают анархистам. Согласно мифу, «анархист» – это синоним бандита, уголовника, который прикрывается писаниями наивного идеалиста Кропоткина.

Городские анархисты были терпимы к уголовной среде, указывая на то, что уголовник – продукт социальных условий, и, когда изменятся условия, он станет лучше. В условиях, когда можно было быстро сделать карьеру, уголовники были вольны выбирать – или пользоваться смутным временем для привычных аполитичных грабежей, или «сменить окраску» на политическую и пойти в ЧК, повстанческий отряд или группу боевиков (уж как повезет – анархистов, эсеров или белых подпольщиков на красной территории и красных – на белой). Решительные люди с навыками обращения с оружием были нужны везде. Но не будем забывать, что они вполне востребованы и в современном обществе, которое не может обходиться без мафии, киллеров и маргинальной криминализированной среды.

В борьбе с анархистами большевики пытались списать разгул преступности именно на них. Ведь обыденное представление об анархии как о хаосе позволяло уголовникам объявлять себя анархистами даже тогда, когда они не имели никакого представления об анархистской идеологии и идейные анархисты не имели к ним никакого отношения. Обокрали патриаршую ризницу под носом у красной охраны – факт, анархисты виноваты. Нужно разгромить «Черную гвардию», занимающую сильные позиции в Москве, – объявим ее чисто уголовной организацией. В действительности удар по анархистам в апреле 1918 г. был вызван чисто политическими причинами – советское правительство переехало в Москву. В обстановке нараставших противоречий с левыми эсерами коммунисты опасались, что вооруженные формирования анархистов встанут на сторону оппозиции (а ведь вооруженное столкновение коммунистов и левых эсеров действительно произойдет всего через три месяца).

Характерно, что, приступив 5 марта 1918 г. к формированию «Черной гвардии» с единым командованием, Московская федерация анархических групп как раз и стремилась отсечь от движения неконтролируемые труппы уголовников, прикрывающиеся именем анархистов. Для вступления в «Черную гвардию» требовались рекомендации идейных анархистов и рабочих организаций. Запрещалось участие «Черной гвардии» в реквизициях. Анархисты спешили освободиться от компрометирующих их уголовных элементов, к которым прежде они относились терпимо, считая их «жертвами» социального строя. Но некоторых уголовников анархисты считали «перевоспитавшимися» и оставили в своих рядах.

В Москве, куда перебрался Совнарком в марте 1918 г., анархисты контролировали 25 особняков. Некоторые были расположены вблизи важных пунктов столицы. Анархисты не скрывали, что готовятся к столкновению. Они были разочарованы поворотом в политике большевиков и надеялись на поддержку масс. Ж. Содуль вспоминает о беседе с членом ВЦИК А. Ге: «Ге гневно обличает большевиков. Придя к власти, они только и делают, что предают принципы, чистые принципы, они переродились в обыкновенных реформистов, рабочие от них отворачиваются и плачут под черным знаменем... Ге считает, что уже сейчас можно рассчитывать в Москве на несколько тысяч бойцов. Однако для действий момент еще не настал. В движение проникли монархисты, которые пытаются использовать его в своих целях.⁹⁰ Следует избавиться от этих темных и опасных элементов. Через месяц-два анархисты выкопают могилу

---

⁹⁰ На анархистских базах укрывались бойцы Савинкова, но их было всего несколько десятков.

для большевиков, „царству варварства придет конец“. Будет основана подлинно коммунистическая Республика».⁹¹

В ночь с 11 на 12 апреля ВЧК захватила базы анархистов. На Малой Дмитровке они отстреливались из горной пушки, но у коммунистов был перевес в артиллерии. Из пушек разнесли и верхний этаж особняка на Донской улице. Бои шли и на Поварской. В других местах опорные пункты анархистов удалось взять без значительного сопротивления. Было убито и ранено 40 анархистов и 10-12 чекистов и солдат. Несколько анархистов были расстреляны на месте.

ЧК рассчитывала получить дополнительный компромат на «Черную гвардию» после захвата особняков. Учитывая, что перерегистрация «черногвардейцев» началась лишь месяц назад, в особняках продолжали жить немало уголовников. Было найдено золото. Московская федерация анархистов была обвинена в связях с известным актером Мамонтом Дальским, который с помощью друзей – анархистов провел аферу с продажей опиума (правда, Дальского не стали преследовать), в укрывательстве уголовника Кэбурье (правда, он уже скрылся из Москвы). Всего было задержано около 500 человек, но часть вскоре отпущена.

В апреле – мае 1918 г. такие же операции были проведены и в других городах России.

Даже в официальных сообщениях по поводу разоружения анархистов признавалось, что многочисленные преступления совершались от имени анархистов, а не идейными анархистами. Дзержинский подчеркивал, что «мы ни в коем случае не имели в виду и не желали вести борьбу с идейными анархистами».⁹² Тем не менее были закрыты крупнейшие анархистские газеты, а идейные анархисты Лев Черный и другие были привлечены к ответственности за укрывательство. Впрочем, они вскоре тоже оказались на свободе.

Их черед пришел позднее. После взрыва в горкоме РКП(б), организованного анархистами подполья 25 сентября 1919 г.,⁹³ ВЧК провела зачистки анархистов по всей стране. Без суда и следствия на известных конспиративных квартирах уничтожались и боевики с уголовным прошлым, и идейные анархисты. Чекисты не вдавались в детали, кто в чем виноват и какого наказания достоин. В 1921 г., во время нового подъема народных выступлений, зачистку повторили. На этот раз был расстрелян и Л. Черный.

Бандитизм – это уголовное преступление, вооруженные грабежи и убийства мирного населения. Занимались этим и белые, и красные, но образ классического бандита времен Гражданской войны легенда приписывает батьке Махно, «оборотню Гражданской войны», как назвал его один из мифотворцев.

---

⁹¹ Содуль Ж. Записки о большевистской революции. М., 1990. С. 233-234.

⁹² Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. 1917-1935. М., 1999-С. 231.

⁹³ Подробнее см.: Красная книга ВЧК. М., 1990; Шубин А.В. Анархия – мать порядка. М., 2005. С. 235-245.

«Оборотень Гражданской войны»

Махно усилиями красных и белых превратился из реального исторического персонажа в ходячий миф, где от реального Нестора Ивановича вообще мало что осталось. За десятилетия, прошедшие со времени событий, советские историки и кинематографисты вылепили образ маньяка-убийцы, хитрого предателя и разрушителя. Он носится по Украине во главе банды дегенератов, которую красные и белые бьют в хвост и гриву. Но «оборотень Гражданской войны» появляется в самый неподходящий момент, чтобы развалить фронт красных.

Сменился господствующий миф, но место Махно в нем осталось прежним. Все тот же маньяк, классическое лицо безумного революционера-разрушителя.

Что бы ни рассказывали о Махно мифотворцы, среди крестьян своего региона он был очень популярен. Махно возглавил крестьянское движение в районе Гуляйполя, на левобережье Украины еще в 1917 г. По взглядам Махно был анархо-коммунистом. Он выступал за то, чтобы вся земля и все фабрики находились в непосредственном распоряжении тех, кто на них работает, то есть рабочих и крестьян. Махно выступал за создание «вольных советов», которые избираются местными жителями и не подчиняются решениям партийных и государственных структур. Махно считал, что трудящиеся сами могут решить, как им лучше жить. По мысли П. Кропоткина, учеником которого считал себя Махно, после ликвидации государственного принуждения и частной собственности предоставленные сами себе трудящиеся станут жить в самоуправляющихся общинах и перейдут к свободному коммунистическому строю, при котором не будет власти и эксплуатации. Такой строй Кропоткин и Махно называли анархическим коммунизмом. Идеи Махно были близки лозунгам, которые большевики провозглашали в 1917 г., потому первоначально Махно был настроен на союз с красными.

В 1918 г. Махно успешно партизанил против немцев и приобрел славу непобедимого «батьки». После ухода немцев «батяка» стал контролировать обширный район к северу от Азовского моря. В январе 1919 г. махновский район оказался под ударом белых, наступавших со стороны Донбасса. Тогда Махно заключил союз с РККА и, получив от красных необходимые ему боеприпасы, развернул наступление против деникинцев.

Тут, согласно мифу, от махновцев должны были остаться рожки да ножки. Что может сделать махновская ватага против дисциплинированной белой армии?

Отвечаем: может нанести ей поражение. Пройдя с боями несколько сот верст, махновская бригада окружила и разгромила опорные пункты белых на Азовском побережье и вышла в Донецкий бассейн, взаимодействуя там с частями РККА. Сама бригада Махно быстро росла, потому что в нее тысячами вступали крестьяне. Численность махновской армии достигла 50 тысяч бойцов. Так что представление о махновцах как о «банде» – тоже миф. «Банда» – это формирование поменьше. Раз в сто или тысячу.

Самим фактом своего существования махновская армия опровергает еще один миф – якобы расширение прав солдата делает армию небоеспособной. У махновцев командиры выбирались бойцами и затем только утверждались штабом. Вместе служили выходцы из одной деревни, хорошо знакомые друг с другом. Ставка делалась не на муштру, а на инициативу бойцов. Махно мог вообще распустить большой отряд и был уверен, что он соберется в назначенном месте.

Именно эта особенность устройства махновской армии заставляет авторов самых разных взглядов доказывать, что махновцы были плохими вояками. Ведь в противном случае пришлось бы признать недостатки существующей казарменной армии. А это – уже вопрос политический. Не учитывая уроков истории повстанческих движений, военные теоретики обрекали Советскую армию на то, чтобы после выдающихся достижений в строевой подготовке получать

кровавые уроки в Афганистане. Но и это не убедило в необходимости внимательнее изучить махновский опыт. Пришлось снова проходить те же уроки в Чечне.

* * *

В легендах «Махновия» осталась эдаким табором разбойников. В реальности она имела четкую военную и общественную организацию и политическую программу. На территории, которую контролировали махновские войска, не действовали продовольственная диктатура и продразверстка, разрешалась агитация всех социалистических течений, а не только большевиков, советы выбирались свободным голосованием. Съезды считались в махновском движении высшим авторитетом. Их решения вступали в силу в том или ином районе после одобрения сельскими сходами. Исполнительным политическим органом был Военно-революционный совет. Резолюции съездов советов, принятые после жарких дискуссий, созвучны анархистским идеям: «В нашей повстанческой борьбе нам нужна единая братская семья рабочих и крестьян, защищающая землю, правду и волю. Второй районный съезд фронтовиков настойчиво призывает товарищей крестьян и рабочих, чтоб самим на местах без насильственных указов и приказов, вопреки насильникам и притеснителям всего мира строить новое свободное общество без властителей панов, без подчиненных рабов, без богачей, и без бедняков».⁹⁴

---

⁹⁴ Протоколы II съезда фронтовиков, повстанческих, рабочих и крестьянских Советов, отделов и подотделов. Гуляйполе, 1919. С. 25.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.